

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН УЗБЕКСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ МИРОВЫХ
ЯЗЫКОВ

На правах рукописи

ГИЛЯЗЕТДИНОВ ЭЛЬДАР ЗАМИРОВИЧ

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕНДЕРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Специальность: 5А-220102

Лингвистика (английские язык)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание степени магистра филологии

Работа рассмотрена и
допускается к защите.

Зав. кафедрой

Расулова М.И.

“ ”

2010г.

Научный руководитель:

доктор филологических

наук, профессор Ашурова Д.У.

Ташкент - 2010

Содержание

Введение	3
Глава 1. Гендер как интрига познания, его особенности и специфика	
1.1. Понятие "гендер". История возникновения, специфика, междисциплинарный характер.....	11
1.2. Лингвистические аспекты гендерных стереотипов и их функционирование в современном обществе. Гендерная асимметрия.....	18
1.3. Некоторые гендерные различия в речевой деятельности мужчин и женщин.....	25
1.3.1. Экстралингвистические факторы гендерной асимметрии.....	26
1.3.2. Фонетико-фонологические маркеры гендерной асимметрии.....	27
1.3.3. Лексико-грамматические маркеры гендерной асимметрии.....	31
Выводы по первой главе	40
Глава 2. Стилистические аспекты гендера	
2.1. Гендерно маркированные стилистические единицы.....	43
2.1.1. Фразеологизмы как гендерно маркированные стилистические единицы.....	46
2.1.2. Паремии, изречения как гендерно маркированные стилистические единицы.....	80
2.1.3. Эвфемизмы как гендерно маркированные стилистические единицы.....	99
2.2. Гендерная асимметрия в художественном портрете.....	116
Выводы по второй главе	125
Заключение	128
Список использованной литературы	132

Введение

Интеграция Узбекистана в мировое сообщество, бурный рост международных экономических, политических и культурных связей предполагает коренную перестройку в изучении и преподавании иностранных языков. Углубленное знание иностранных языков означает не только практическое владение языком, но и изучение его теоретических основ. В этом плане наука является одним из основных факторов, от которых зависит как успешное овладение языком, так и развитие образования и совершенствование системы подготовки кадров в целом. Как отмечает президент Республики Узбекистан И.А.Каримов: “Мы ставим перед собой цель – создать необходимые возможности и условия для того, чтобы наша молодежь не только физически и духовно здоровыми, но и всесторонне и гармонично развитыми людьми, обладающими самыми современными интеллектуальными знаниями, людьми, в полной мере отвечающими требованиям XXI века, в котором им предстоит жить и трудиться. Наука и просвещение, образование, воспитание являются могущими факторами, определяющими развитие сильного социального общества” (Каримов, 2010, с. 2-3).

Данная диссертационная работа посвящена изучению проявления гендерного фактора в языке вообще, и гендерно маркированных стилистических единиц, в частности. В данной работе будут рассмотрены основные компоненты понятия «гендер», гендерная асимметрия, гендерные стереотипы, гендерная референтность. Понятие «гендер» являлось изначально социолингвистическим термином, ассоциирующимся с половой дифференциацией и признаками, по которым и образуется дихотомия «мужское - женское». В человеческом обществе всегда существовало архетипическое разделение социума на две группы – мужчин и женщин, поскольку такая дифференциация по критерию биологического пола является наиболее очевидной. На их основе позднее сформировались некие обобщенные представления об особенностях речевого поведения мужчин и женщин, о проявлении гендерного фактора в отдельных языковых единицах о приемлемых только для мужчин или только для женщин видах деятельности – иными словами, в общественном сознании сформировались гендерные стереотипы. Эта стереотипизация касается многих сфер жизнедеятельности субъекта: социальной дифференциации, культурного фона, образованности и уровня научного знаний, языковой стратификации и других.

В данном исследовании основное внимание будет направлено на лингвистические аспекты гендерных стереотипов и анализ гендерно маркированных стилистических единиц английского языка. Будет проанализирована сущность возникающей на основе

гендерных стереотипов гендерной асимметрии, а именно языковые доказательства маскулинности и фемининности и их отражение в англоязычной картине мира.

Актуальность исследования обусловлена с одной стороны, недостаточной разработанностью проблемы изучения гендерных аспектов языка и коммуникации, что является на сегодняшний день преодолением прямолинейной интерпретации гендера и, с другой стороны, новыми путями осмысления и понимания гендерно маркированных стилистических единиц в языковом аспекте.

Объектом исследования настоящей работы является гендерно и стилистически маркированные единицы языка и речи.

Предметом исследования является гендерная асимметрия в гендерно маркированных стилистических единицах, проявляющаяся во фразеологических оборотах, поговорках, изречениях, эвфемизмах, а также проявление гендерной асимметрии в художественных описаниях портрета.

В качестве **материала** для исследования послужили художественные тексты, а также современные английские словари такие как: (Oxford Dictionary, Webster Dictionary, Longman Idioms Dictionary, Большой англо-русский фразеологический словарь и специальных лингвострановедческих словарей). Было отобрано 725 примеров на английском языке, что позволяет вполне достоверно и детально представить разнообразие и специфику исследуемого сектора.

Основной **целью** работы является описание специфики гендерно маркированных стилистических единиц и определение лингвистических и экстралингвистических факторов их гендерной асимметрии на материале современного английского языка.

В соответствии с вышеизложенной целью были поставлены следующие **задачи**:

1. Обобщить и систематизировать подходы отечественных и зарубежных ученых к проблеме понятия “гендер”, его специфику, охарактеризовать основные подходы к изучению гендерологии в современной лингвистике.
2. Рассмотреть лингвистические аспекты гендерных стереотипов и гендерной асимметрии.
3. Описать лингвистические (фонетико-фонологические и лексико-грамматические) маркеры и экстралингвистические факторы гендерной асимметрии.
4. Проанализировать фразеологические обороты, которые могут нести гендерную маркированность в структуре фразеологизма.
5. Изучить поговорки, изречения, включающие в себя гендерные маркеры маскулинности и фемининности.

6. Рассмотреть эвфемизмы как гендерно маркированные стилистические единицы.
7. Проанализировать и рассмотреть гендерные асимметрии в описаниях художественного портрета.

Достоверность результатов выводов диссертационного исследования обеспечивается его научной базой, методологией и методикой исследования.

Методы исследования. На разных этапах настоящего диссертационного исследования для решения поставленных задач в качестве основных использовались следующие методы исследования: метод лингвистического описания, компонентного анализа, лексикографической интерпретации, функционального анализа, а также сопоставительно-описательный и количественный методы.

Степень изученности проблемы. Проблемой гендера занимались с начала 20-го века зарубежные лингвисты (Маутнер, Есперсен), однако основные усилия к разработке понятия приложили ученые в середине 60-х годов – Лакофф Р., Коатс Дж., а также значимы и работы Грея К., Фуко М., Гофмана И., Спендера Д., русская гендерологическая школа заявила о себе в конце 80-х (Халеева И.И., Кирилина А.В., Малишевская Д.Ч. и др.).

Научная новизна работы заключается в том, что:

- выявлены лингвистические аспекты гендерных стереотипов и проявление гендерной асимметрии как основного компонента в стилистическом и гендерном аспекте.
- выделены некоторые факторы и маркеры гендерной асимметрии лингвистического и экстралингвистического характера.
- предпринято многоаспектное комплексное исследование гендера на основе анализа гендерно маркированных стилистических единиц и гендерной асимметрии.
- выявлены гендерные маркеры во фразеологических единицах, относящихся к референту-мужчине или/и референту-женщине, а также способы их выделения.
- выделена специфика использования гендерных компонентов "маскулинности" и "фемининности" в английском паремиологическом фонде языка.
- выделены гендерно-ориентированные высказывания относящиеся к выражению оценочности, что особенно отчетливо проявляется при характеристике представителей противоположной гендерной идентичности.
- выявлена специфика стилистических единиц, маркированных по гендерному параметру и созданных с учетом прагматического принципа вежливости и толерантности т.е. процесса эвфемизации в современном английском языке.
- выявлено проявление гендерной асимметрии в художественном портрете и выделены четыре типа описаний художественного персонажа.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что выявлены определенные корреляции между гендерно маркированными единицами и их стилистической значимостью, что дает нам обозначить формирование гендерного направления в стилистике и что результаты исследования внесут определенный вклад в развитии гендерной лингвистики и систематизации знаний об гендерно маркированных стилистических единицах в английском художественном тексте.

Методологическая базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых по взаимодействию гендера и языка (Лакофф Р., Таннен Д., Коатс Дж., Кирилина А.В. и др.), стилистике (Азнаурова Э.С., Арнольд И.В., Ашурова Д.У., Гальперин И.Р. и др.), эвфемии (Ларин Б.А., Кацев А.М., В.П., Холдер Р. и др.), а также анализ гендерно маркированных единиц (фразеологические обороты, паремии, высказывания) Зыкова И.В., Вильданова. Г.А., в том числе и гендерная асимметрия художественного портрета такими лингвистами как: Акбарова С.А., Беспалов А.Н. и многих других.

Гипотеза исследования. Стилистически и гендерно маркированные единицы языка и речи находятся в отношении взаимозависимости и взаимодополняемости.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В определении понятия гендер особое место отводится рассмотрению корреляции, взаимосвязи, взаимовлияния, а также установлению границ между понятием гендер как социокультурной категории, с одной стороны, грамматической категорией рода и биологической категорией пола, с другой стороны.
2. Гендерные стереотипы представляют собой культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке, и фиксируются в языке, тесно связаны с выражением оценки и влияют на формирование ожиданий от представителей того или другого пола определенного типа речевого поведения т.е. проявления гендерной асимметрии это представление маскулинности и фемининности и их разнообразие, в зависимости от употребления тех или иных языковых единиц.
3. Гендерный подход открывает новые возможности для исследования фразеологического фонда английского языка и обеспечивает расширение границ изучения семантики идиом с помощью детальной обработки данных таких понятий как маскулинность и фемининность и с помощью каких языковых средств, осуществляется фиксация гендерного компонента.

4. Изучение паремий как гендерно маркированных стилистических единиц с точки зрения их структурного и семантического уровней функционирования гендерного маркера представляет возможность выявления гендерной отнесенности таких единиц и определение роли гендерного компонента в их семантике.
5. Гендерные отношения и оценки формируются под влиянием гендерной идентичности говорящего и фиксируются в гендерно-ориентированных высказываниях, а также гендерно-ориентированные высказывания тяготеют к выражению оценочности, что особенно отчетливо проявляется при характеристике представителей противоположной гендерной идентичности.
6. При образовании гендерно-вежливых эвфемизмов принцип вежливости является ведущим фактором. Принцип вежливости представляет собой особую стратегию речевого поведения, одним из тактических приемов которой является эвфемизация, а точнее, определенный пласт эвфемистической лексики, употребление единиц которого продиктовано вежливостью, деликатностью. Традиционные гендерно-вежливые эвфемизмы отражают гендерные стереотипы, существовавшие ранее, причем некоторые из них остаются актуальными и в наше время.
7. Исследование художественного портрета в русле новых направлений в лингвистике как гендерная лингвистика позволяет изучить гендерную асимметричность художественного портрета и представить его наиболее адекватное лингвистическое описание.

Апробация работы. Основные результаты, полученные в ходе диссертационного исследования, изложены в виде докладов на ежегодных международных и республиканских научно-теоретических конференциях УзГУМЯ (2009-2010гг). Диссертация была обсуждена на объединенном заседании кафедр теоретических дисциплин, общего языкознания, стилистики английского языка, кафедре английской филологии УзГУМЯ.

Опубликованность результатов. Результаты научного исследования освещены в 2-х публикациях в виде тезисов: «Гендер как интрига познания, его особенности и специфика» (2009г) на республиканской научно-практической конференции и «Стилистические аспекты гендера» (2010г) на республиканской научно-практической конференции «Еш олим».

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что полученные результаты могут найти применение в преподавании курсов лексикологии, стилистики, теории коммуникации, переводоведения, и лингвокультурологии, в

спецкурсах по прагмалингвистике, лингвистике текста (интерпретации текста) и гендерной лингвистике.

Структура диссертации. Работа состоит из 140 страниц и включает в себя введение, две главы с выводами в каждой, заключения, списка использованной литературы (115 источников).

Глава 1. Гендер как интрига познания, его особенности и специфика

1.1. Понятие «гендер». История возникновения, специфика, междисциплинарный характер

Современная наука о языке характеризуется комплексным изучением лингвистических проблем в рамках интеграционного подхода к изучению языковых единиц.

Со временем пол человека из биологической характеристики трансформировался в характеристику социально-психологическую. Таким образом, возникло понятие «гендер», означающее совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола.

Понятие «гендер» было введено в лингвистику, для того, чтобы отразить социальную и культурную обусловленность пола и ограничить его от биологической сущности (Халеева, 2000, с. 12).

Термин «гендер» был заимствован из английского языка (*gender*), но семантика этого слова претерпела существенные изменения. Первоначально под гендером понималась лексико-грамматическая категория, например: **gender** – the system of many words, such as nouns, adjectives, pronouns as being masculine, feminine or neuter [www. philology. ru].

Пол человека, совокупность его психологических, функциональных реакций передается в английском языке словом **sex**: the condition or character of being male or female; the psychological, functional and physiological difference that distinguish the male and female (Thesaurus of English Words and Phrases, 1991, p.561).

Употребление слова «гендер» в значении «пол» (a person's sex) было нежелательным и фиксировалось в словарях пометами: “colloq.” “euphem.”. В категориальный аппарат науки термин “gender” был введен в конце 60-х – начале 70-х годов XX века и использовался сначала в истории, географии, социологии, психологии, а потом был заимствован лингвистикой (Кирилина, 1997, с.35).

В лингвистическом словаре под редакцией Виноградова В.А. термин имеет следующее определение: гендер – это (от англ. “gender” – род) совокупность представлений о личностных и поведенческих особенностях мужчин и женщин. Эти особенности, взятые в отдельности, определяют женственность (фемининность) и мужественность (маскулинность). Первая обычно ассоциируется с тонкой интуицией, эмоциональностью, выразительностью, покорностью и вторая – с агрессивностью, чувством превосходства (Виноградова, 1990, с.25).

Гендерный компонент позволяет углубить знания о содержании текста, о субъектных отношениях внутри текстового пространства, выраженных языковыми средствами, присущих женскому или мужскому персонажу (Городникова, 1999, с. 21).

Впервые фактор пола в связи с языком возник в античности при осмыслении категории грамматического рода. Древнейшей и долгое время единственной гипотезой о причинах появления и функционировании в языке категории рода стала символическо-семантическая, базировавшаяся на соотнесении природной биологической категории *sexus* с грамматической *genus*. Сторонники этой гипотезы считали, что грамматический род возник под влиянием природной данности – наличия людей разного пола (Гердер, Гумбольдт, Гримм и др.) при этом для объяснения экстралингвистической мотивированности категории рода исследователи использовали свой неязыковой опыт. Это привело к появлению оценочности в интерпретации категории рода: мужской род оказывался первостепенным из-за приписывания именам, относящимся к нему, семантики силы, активности, энергии (Гумбольдт, 1984, с.25). Имена женского рода, наоборот, характеризовались пассивностью, подчиненностью. Таким образом, условия социальной реальности экстраполировались на законы развития языка, что подтверждается фундаментальными гендерными исследованиями Э. Борнемана, где анализ ведется с точки зрения междисциплинарного подхода. Удар по символическо-семантической гипотезе нанесло открытие языков, в которых категория рода отсутствует. Следующим стимулом исследования гендерного фактора в языке стало открытие в 18 в. экзотических первобытных языков, где имело место разделение на мужской и женский языки. При этом мужской вариант рассматривался как собственно язык, а женский – как отклонение от него (Городникова, 2000, с.95-97).

В начале 20 в. тема «Язык и пол» привлекла внимание Маутнера и Есперсена. Маутнер обосновывал гендерные различия в языке социальными и историческими причинами. По Маутнеру, творческое использование языка – прерогатива мужчин, а женщины способны лишь усвоить создаваемый мужчинами язык (Маутнер, 1992, с.16). Есперсен же считал, что женщины консервативны в употреблении языка, что иллюстрировалось на примере сообществ эмигрантов, где сохраняется родной язык и одновременно усваивается новый. При этом мужчины быстрее усваивают новый язык (Есперсен, 1958 с.156). Однако не учитывалось, что изучение иностранного языка мужчинами было продиктовано необходимостью работать и объясняться на новом языке. У пребывающих в домашней обстановке женщин такой необходимости не возникало (Кирилина, 2003, с. 128).

На следующем этапе (1900 - конец 1960-х гг), в соответствии с классификацией Клива Грея (Clive Grey), работа велась по следующим направлениям: гипотеза о кардинальном различии мужского и женского типов речи; вопрос валидности новых

словоформ, таких как *doctress*, *authoress* (в русском языке докторша, учительница, повариха и т. д.) (Введение в гендерные исследования, 2000, с.55).

Еще в начале XX века Зигмунд Фрейд заявил: «Анатомия – это судьба», имея в виду то, что физиологические различия между полами предопределяют их различие как субъектов истории. Но в 1949 году во Франции выходит в свет книга Симоны де Бовуар «Второй пол», где автор говорит о том, что в истории утверждаются стереотипы, связывающие с мужчиной сферы «конструирования смысла жизни» – культуры и общества, а за женщиной – закрепляющие сферу воспроизводства жизни, сферу природы (Гендер как интрига познания, 1999, с.125).

В конце 60-х – начале 70-х годов гендерные исследования в языке получили мощнейший импульс, благодаря новому женскому движению в США и Германии, в результате чего в языкознании возникло своеобразное направление – феминистской лингвистикой (ФЛ). основополагающей стала работа Р. Лакофф, обосновавшая андроцентричность (ориентированность на мужчину) и ущербность образа женщины в картине мира, воспроизводимой в языке. ФЛ просматриваются два направления: первое относится к исследованию языка с целью выявления языковых асимметрий, направленных против женщин – т.н. языкового сексизма. Речь идет о патриархальных стереотипах, зафиксированных в языке и навязывающих его носителям определенную картину мира, в которой женщинам отводится второстепенная роль и приписываются в основном негативные качества, что способствует игнорированию женщин в картине мира. Исследования языка в этом направлении основывается на теории Сепира-Уорфа: язык не только продукт общества, но и средство формирования его мышления и ментальности. Это позволяет представителям ФЛ утверждать, что все ныне функционирующие языки суть мужские языки и строятся на основе мужской картины мира (Гендер как интрига познания, 2001, с.45-47).

Второе направление исследований ФЛ – гендерные особенности коммуникации в однополых и смешанных группах. Анализу подверглись самые разные коммуникационные аспекты: телевизионные ток-шоу, диалоги врачей и пациентов, речевое общение в семье и т.д. В основе исследования лежит предположение о том, что на базе патриархальных стереотипов, зафиксированных в языке, развиваются разные стратегии поведения женщин и мужчин. В рамках этого направления исследуется также влияние пола на языковую социализацию личности. Так или иначе, ФЛ столкнулась с противоречивым отношением к результатам своих исследований, поскольку многих

ученых смутила открытая политическая ангажированность феминисток (Добровольский и др., 2000, с.44-47).

При изучении гендерного фактора в языке – многими лингвистами – гендерологами русской школы, заявившей о себе в конце 80-х гг. (Халеевой И.И., Кирилиной А.В., Малишевской Д.Ч. и др.) называется лингвокультурологический подход, предполагающий изучение мужественности и женственности как базовых культурных концептов. Общественная значимость категории “гендер” оправдывает его применение ко всем языковым явлениям, имеющим отношение к проблемам пола. “Пол и его проявления не просто “регистрируются” языком, но приобретают аксиологичность, оцениваются с точки зрения картины мира. Поэтому правомерно установить, как происходит фиксация пола в языке: с помощью каких средств, семантических полей, оценок и т.д., также его релевантность для разных языков” (Горошко и др., 1999, с. 34-35).

Существенный вклад в разработку лингвистической гендерной проблематики внесла сложившаяся в МГУ научная школа, ученые которой впервые выдвинули и верифицировали ряд гипотез, позволивших переосмыслить ранние положения гендерной теории, что стало возможным благодаря исследованию русского и некоторых других славянских языков, ранее в аспекте гендера не изучавшихся или изучавшихся несистемно. Важно подчеркнуть, что названная школа отрицает перманентное присутствие категории гендер в языке и речи (коммуникации). При изучении коммуникации, речевого поведения и других феноменов, связанных с говорением, московская школа признает гендер "плавающим" параметром, то есть фактором, проявляющимся с неодинаковой интенсивностью, вплоть до полного его исчезновения в ряде коммуникативных ситуаций. Такая постановка вопроса является наиболее современной и соответствует данным, полученным в новейших исследованиях по социальной психологии и социологии (Кирилина, 2001, с. 125-127).

Лишь в 60-е годы XX века темой языка и пола заинтересовались лингвисты. Это произошло во многом благодаря тому, что на первое место в лингвистическом описании стал выдвигаться социальный план, рассматривающий язык в связи с обществом и находящимся в нем человеком. Возникли целые новые направления в языкознании – социолингвистика, прагматика, психолингвистика, теория дискурса и коммуникации, когда пристальное внимание исследователей привлекло влияние на язык гендерного фактора.

В целом при изучении проблемы взаимоотношения языка и гендера и наличия определенных особенностей в мужском и женском вербальном поведении в данный момент можно выделить три магистральных подхода:

1. Чисто гендерный подход сводится к трактовке исключительно социальной природы языка женщин и мужчин и нацелен на выявление тех семантических различий, которые можно объяснить особенностями перераспределения социальной власти в обществе. При этом язык определяется как некая функциональная производная от основного языка, используемая в тех случаях, когда партнеры по речи находятся на разных ступенях социальной иерархии. Теоретическую основу такого подхода составили концепция власти М. Фуко и социологическая концепция гендеризма И. Гофмана (Гендер: язык, культура, коммуникация, 2001, с.38).

2. Второй подход научно редуцирует «женский» и «мужской» язык до особенностей языкового поведения женщины и мужчины. Здесь статистические показатели или определение средних параметров имеют основополагающую значимость и составляют каркас для построения психолингвистических теорий (которые в той или иной мере отражают реально существующие связи лексических единиц в лексической памяти человека) (Гендерный фактор в языке и коммуникации, 1999, с. 47-48).

3. Третий подход делает упор на когнитивном аспекте этих различий. Для него оказывается более значимым не только определение частотности различий и оперирование ее показателями, но и установление того, что трудно поддается объяснению, так как выходит за рамки стандарта (Гендер: язык, культура, коммуникация, 2002, с.105-107).

Как отмечает Халеева И. И., "подход к гендеризму как к реальности, опосредуемой знаками, символами и текстами, позволяет определить гендер в качестве своего рода *междисциплинарной интриги*, в основе которой сплетается множество наук о человеке" (Кирилина, 2001, с. 126). Влияние гендера на человека рассматривается в материалах различных областей науки. Данная тема интересна и значима в равной степени и с точки зрения психологии, и с точки зрения социологии. Генетика, теология, философия, лингвистика и многие другие научные области изучают гендерную теорию, интерпретируя ее по-своему, согласно своим нормам.

Лингвистическая гендерология – новое научное направление, которому свойственны специфические черты любого нового направления, то есть недостаточная разработанность понятийного аппарата и категорий. Новая научная дисциплина лишь находится в процессе выработки собственных, присущих только ей методов и приемов

исследования. Вместе с тем, работая в языковедческом научном поле, ученые применяют главным образом методы анализа, разработанные для лингвистических исследований, пользуясь, однако, и данными других научных дисциплин - как близкородственных, так и других гуманитарных наук. Новое знание может быть получено на стыке наук, а затем из него «вырастают принципы междисциплинарного исследования (в философии науки отмечаются три стадии развития: частнонаучная (дисциплинарная наука), исследования на стыке наук и междисциплинарные исследования) (Халеева, 2000, с. 142).

Одним из существеннейших факторов изучения гендерных аспектов языка и коммуникации является сегодня преодоление прямолинейной интерпретации гендера. Лингвистическое исследование конструирования женственности и мужественности должно учитывать специфику объекта, каковым в языкознании по определению является язык, – сущность многогранная и комплексная (Кирилина, 1997, с.64-67).

Повышенное внимание к гендерным аспектам языка и коммуникации, наблюдаемое в последние годы, позволяет сделать вывод, что от общей теории гендера, гендерные исследования постепенно переходят к более уравновешенному состоянию (Кирилина, 1999, с.10-11). Однако и применение гендерного подхода также основывается на ряде методологических принципов, важнейший из которых – понимание пола как социально и культурно конструируемого феномена.

Таким образом, целью гендерных исследований является описание и объяснение того, как отражается в языке мужские и женские характеристики, какие социальные и культурные оценки приписываются в языке мужчине и женщине и в каких семантических областях они наиболее распространены.

1.2. Лингвистические аспекты гендерных стереотипов и их функционирование в современном обществе. Гендерная асимметрия

Исследования 1970-х гг. отличаются депопуляризацией содержащихся в них заключений, что свидетельствует о "признании" проблемы лингвистической наукой. Одним из аспектов гендерной лингвистики стала теория противопоставления "женского сотрудничества" "мужскому соперничеству" в лингвистическом (речевом) поведении. Дэйл Спендер утверждает, что по своей сути язык изначально предрасположен к установлению превосходства мужчин в обществе (Спендер, 1986, с.103).

Это заявление спровоцировало бурную дискуссию по проблеме: действительно ли подобные явления обусловлены тем, что *язык творит реальность*, или же слова, которые люди имеют в своём распоряжении, irrelevantны к мыслительным процессам.

В процессе познания из окружающего мира вычлняются и именуются предметы, свойства, процессы не только реальных, но и духовных миров. К последним можно отнести образы, символы, эталоны и стереотипы культуры, а также признаваемые обществом ценности, этические нормы.

В виде когнитивно-концептуальных структур они образуют основание картины мира, зависящей, в современном понимании, от особенностей истории и общественного устройства, природы, традиционных видов деятельности и других форм проявлений данной национально-культурной общности. Особое место в картине мира занимают принципы и модели коммуникации (Городникова, 1999, с. 22 – 23).

Гендерные стереотипы, возникающие над биологически - половой реальностью, отражают совокупность биологических признаков, социальных ролей, особенностей психики и поведения, присущие представителям данного пола в рамках данной культуры. Появление гендерных стереотипов обусловлено тем, что модель гендерных отношений исторически выстраивалась таким образом, что половые различия располагались над индивидуальными, качественными различиями личности мужчины и женщины. Гендерные стереотипы сформировавшиеся в культуре обобщенные представления (убеждения) о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины. В языке фиксируется весь инвентарь гендерных стереотипов, однако частота употребления их в речи неодинакова. Анализ коммуникации делает возможным определение наиболее частотных стереотипов. Многообразие гендерных стереотипов позволяет манипулировать ими. Особенно это касается систем коммуникации, направленных на коллективного адресата, в первую очередь - средств массовой информации (Сергеева, 2001, с.11-12).

Термины маскулинность и фемининность применительно к гендерным стереотипам, представляют, собой концептуальные метафоры, передающие внутренне противоречивое и одновременно динамичное соотношение мужского и женского субстратов (Лакофф, 1995, с. 45-47).

Проявления маскулинности и фемининности можно наблюдать в самых разных сферах, например, в типах поведения, в различных видах социальной активности, а также в языке, описывающем эти феномены.

Как и соответствующий русский термин «род», английское слово *gender* первоначально имело весьма узкую референцию и относилось исключительно к сфере грамматики. С появлением у него нового терминологического значения (социокультурный пол) и с развитием гендерной составляющей гуманитарного знания, стало очевидно, что гендерное измерение актуально для всех уровней языковой системы и гораздо глубже характеризует семантику лексических единиц, пронизывая как денотативное, так и коннотативное значения, и формируя ассоциации, связанные со словом в данном языковом социуме (Ласточкина и др. 2003, с. 14).

Попытаемся рассмотреть различные аспекты проявления гендера в семантике английского слова с целью показать, как при отсутствии формально-грамматических признаков рода оппозиция мужское/женское пронизывает концептуальную метафорическую структуру языка.

В лишенном грамматического рода английском языке не только одушевленные, но и неодушевленные существительные ассоциируются с мужским и женским началом. Приписывание слову гендерных признаков носит реляционный характер и определяется сравнением двух единиц, что можно считать лингвистическим аргументом в полемике с эссенциалистскими концепциями гендера: если бы не было концепта фемининности, не было бы и концепта маскулинности, а, следовательно, речь должна идти не о сущностях (essences), а о культурно конструируемом *различии* (Добронравин, 1998, с.87-88).

Характерной особенностью английских существительных общего рода, обозначающих статус или профессию, является то, что, теоретически относясь к лицам обоего пола, они, как правило, не используются, когда речь идет *только* о женщинах. Гендерные параметры референции подобных существительных «чувствительны» к адресанту, адресату и предмету речи (Халеева, 2000, с. 9-12).

Гендер является фактором, способным детерминировать эмоционально-оценочные коннотации слова. Лексемы, традиционно трактуемые как мелиоративные (сложные слэнгизмы с компонентом – *dish*), могут восприниматься женщинами как уничижительные; а гендерно маркированные дерогаторные номинации (типа *whore*, *bitch*), оказываются востребованными в положительном смысле, как знак одобрения и солидарности. В обоих случаях имеет место гендерно обусловленная эмоционально-оценочная энантиосемия (Гриценко, 2001, с. 13-14).

В гендеролингвистике существует термин «гендерная асимметрия», ставший ядром исследований феминистской лингвистики. Исследование гендерных асимметрий языка способствовало и более глубокому изучению, а в некоторых случаях и

пересмотру, словообразовательной и номинативной систем языка. Основное достижение феминистской лингвистики заключается в том, что она позволила женщине «иначе увидеть» себя через язык, преодолеть некоторую мужскую асимметрию и доминантность в языке (Сергеева, 2001, с. 13-14).

С целью проиллюстрировать этот термин, мы считаем необходимым привести в данной работе краткий анализ британских словарей середины XX века. Но прежде уточним значение этого термина. Примером этому может послужить данная дефиниция, раскрывающая основную функцию этого понятия: гендерная асимметрия в языке (*андроцентризм языка, фаллологоцентризм*) – это неравномерная представленность в языке лиц разного пола [www. ucs. com]. В основу этого утверждения лег один из главных постулатов феминистской лингвистики: язык фиксирует картину мира с мужской точки зрения, поэтому он не только антропоцентричен (ориентирован на человека), но и андроцентричен (ориентирован на мужчину). Таким образом, язык создает картину мира, основанную на мужской точке зрения, от лица мужского субъекта, с точки зрения мужской перспективы, где женское предстает главным образом в роли объекта, в роли "Другого", "Чужого" или вообще игнорируется (Карташкова и др., 2002, с.55).

Вернемся к результатам словарного анализа. Анализ британских словарей середины XX века иллюстрирует положение феминистской лингвистики о том, что лексикографические источники отражают и воспроизводят сексистское употребление языка. Исследование проводилось на материале иллюстративных контекстов (ИК) авторитетного в 1940–50-е годы словаря “The Advanced Learner’s Dictionary of Current English” (Hornby A.S., 1958, p.25-32) и имело целью проследить, как в данном источнике проявляются:

- незаметность женщин в языке;
- вторичность женского статуса по отношению к мужскому;
- стереотипическая репрезентация обоих полов, ведущая к ограниченности гендерных представлений, иными словами, каким образом в словарных статьях проявляется гендерная ассиметрия.

Указанные черты реализуются в иллюстративных контекстах ALDCE следующим образом:

1. Впечатление незаметности женщин возникает из-за значительного численного превосходства ИК, относящихся к мужским референтам, а также вследствие употребления generic “he” и generic “man” (On a census-paper, a person writes his name, sex, etc/ We should judge a man by his actions).

2. Изображение женщин как имеющих подчиненный по отношению к мужскому статус создается, главным образом, за счет определенного порядка слов при перечислении представителей гендерных ролей и других социальных ролей (husband, wife and children; cf. teachers, parents and pupils).

3. Наиболее ярко в ИК проявляется стереотипизация женских и мужских образов. В ALDCE отражены представления о фемининности и маскулинности, типичные для своего времени: Politeness is an attribute of a gentleman/ Every woman should learn to cook. В отличие от женщины, мужчина присутствует в контекстах, относящихся к большему числу семантических сфер, и представлен как человек, живущий в мире соревнования: He has no chance of winning / He was not satisfied until he had crushed his enemies completely (Бахлитьева, 2003, с. 22-25).

В пределах словарной статьи стереотипизация возникает за счет следующих факторов: а) в качестве ИК к некоторым лексемам преобладают мужские (ambition, clever) или женские контексты (beauty, blush); б) одну и ту же лексему могут иллюстрировать и мужские, и женские контексты, отражающие и воспроизводящие гендерные стереотипы (cf. He's a brilliant scientist/ She was wearing brilliant jewels) (Сергеева, 2001, с. 16-17)

На основании структурно-стилистического принципа можно выделить 4 группы типов обращения к английской женщине:

1. Наименования со структурным типом «имя собственное + слово-обращение». Это вежливые формы обращения (e.g. Miss Smith). Из современных тенденций, влияющих на обращения, принадлежащие к первой группе, отметим появление аббревиатуры *Ms* для обозначения как замужних, так и незамужних женщин и вызвавшее много споров среди лингвистов, в частности лингвистов-феминистов. Обращение *Ms* должно было заменить *Miss* и *Missis* для того, чтобы не привлекать внимание к семейному положению женщины, так же, как и *Mister*. В действительности обращение *Ms* было добавлено к *Miss and Mrs*. Для некоторых такое обозначение удобно до тех пор, пока не выясняется, *Miss* женщина или *Missis*. Другие полагают, что *Ms* используется для обозначения разведенных или незамужних женщин, лесбиянок, феминисток. (Арнольд, 1990, с. 89).

2. Группа слов, в которой слово-обращение является ключевым и характеризует адресата по профессии, возрасту, внешним качествам и характеру: nurse, waitress. Это нейтральные, разговорные или сленговые наименования.

3. Слова-наименования родства, они немногочисленны. Общение с родственниками предполагает отсутствие формальности, поэтому обращения-

наименования родства, обозначающие родственников, за исключением нейтральных *mother* и *grandmother*, принадлежат к разговорному языку или сленгу: *sis* (адекватно русскому вульгарному обращению «сеструха») (Городникова, 2000, с. 124).

4. Квази-обращения («обзывания»), в которых на месте наименований женщины выступают дерогативные и оскорбительные лексические единицы: *You, slut, come here!* (*Иди сюда, грязная тварь!*); *You, pig, get out!* (*Убирайся, свинья*) (Арнольд, 1990 с. 91).

В лексико-семантическом поле – (определенной полевой лингвистической структуре, состоящей из ядра и периферии, между которыми нет четкой границы) «женщина» выделяют различные семантические подгруппы, характеризующие женщин по признаку пола, возраста, степени родства, семейному положению, социальной роли и т.д.;

2. Основными способами словообразования в поле «женщина» являются морфологический (суффиксальный, основосложение) и заимствования;

3. Составляющие поля «женщина» в английском языке характеризуют прежде всего внешность («*thunderchicken*» – непривлекательная женщина; «*dollybird*» – куколка, красивая девушка), поведение («*clingingvine*» – обозначение слабой, беспомощной женщины, целиком зависящей от мужчин), социальную роль, профессию (*policewoman* – женщина-полицейский). Достаточно большой пласт лексики связан с обозначением женских пороков, и эвфемизмами, отсылающими к понятию «девушка легкого поведения» (*scarletwoman, hooker, callgirl, hustler, workinggirl, b-girl, lady of the evening, fancylady, ladyinred, streetwalker*) (Белик, с. 67 – 75).

4. В английских пословицах и афоризмах как продукте языкового народного сознания преобладают отрицательные коннотации женщины, определяя ее как глупое и порочное существо, представляющее ценность лишь как «жена» и «хранительница семейного очага» (*When an ass climbs a ladder, we may find wisdom in a woman; wife is the key to the house*) (Никольская, 2002 с. 123).

Таким образом, на фоне определенных достижений феминизма, отразившихся в языке (появление таких слов, как *policewoman, man-eater, careerwoman*) можно говорить, тем не менее, о сохранении мужской доминанты в английском языке.

1.3. Некоторые гендерные различия в речевой деятельности мужчин и женщин

Современная социолингвистическая модель функционирования языка и речи включает структуру взаимообусловленных и взаимозависимых составляющих, связанных, с одной стороны, с физиологическими и нейропсихическими особенностями индивида, с другой стороны, со спецификой формирования индивидуального речевого кода под влиянием социальных (культурологических, этнических и т.д.) и экономических (принадлежность к определенной группе, слою, классу и т.д.) факторов. Подобная комплексная модель предполагает учет как экстралингвистических, так и лингвистических аспектов речевой деятельности индивида с ориентацией в последнем случае на особенности фонетического, лексического, синтаксического планирования и реализации речевого высказывания индивидом в акте коммуникации, т.е. на особенности формирования индивидуального языкового варианта (идиолекта) (Каменская, 2002, с. 135).

1.3.1. Экстралингвистические факторы гендерной асимметрии

Ученые, работающие в области гендерной лингвистики, справедливо полагают, что содержание понятия гендер может быть раскрыто путем анализа различных структур языка (Халеева, Кирилина). В этой связи особую актуальность приобретает изучение невербальных компонентов коммуникации (НВК), отражающих эмоциональные реакции (ЭР) человека, поскольку имеющиеся данные носят двойственный характер: одни ученые декларируют принципиальные различия между мужчинами и женщинами, в то время как другие настаивают на пересмотре указанной позиции.

Данные исследования (на материале англоязычных текстов) указанной выше проблематики позволяют утверждать, что для выражения ЭР как мужчин, так и женщин используются самые различные виды НВК: фонационные, мимические, миремические, жестовые, пантомимические, респираторные.

К общим чертам употребления различных видов НВК мужчин и женщин относятся следующие. Для выражения отрицательных ЭР (превалирующих над позитивными) характерно использование мимических НВК (языковые корреляты (ЯК): глагол *to frown* и фразы с опорным существительным *frown*), а также пантомимических (ЯК: *to shake one's head*, *to shrug one's shoulders*), фонационных (ЯК: *cry*, *scream*, *whisper*), миремических (ЯК: дериваты и словосочетания существительного *eyes*).

Для передачи положительных ЭР выявлено преобладание мимических (наиболее характерна улыбка: ЯК: to smile, a + Adj + smile) и фонационных видов НВК (наиболее часто используется смех: ЯК: глагол и существительное laugh) (Карташкова, с. 55 – 56).

Вместе с тем, можно отметить, что в коммуникативном поведении мужчин отрицательные ЭР выражаются главным образом с помощью фонационных, мимических и миремических типов НВК.

Любопытно, что мужской смех используется с целью маскировки таких отрицательных ЭР, как раздражение, испуг, смущение. Миремические НВК характерны для ситуаций, когда мужчины испытывают ЭР смущения, замешательства.

Отрицательные ЭР женщин чаще передаются через миремические НВК, а также с помощью различных жестов. Фонационные НВК для передачи отрицательных ЭР манифестируют изменение высоты тона голоса (ЯК интенсификаторы angrily, sharply).

Таким образом, при выражении положительных эмоций у мужчин было выявлено преобладание мимических и фонационных видов НВК. Типичен и тактильный вид НВК. К типичным НВК, передающим положительные ЭР женщин относится улыбка, разновидности которой эксплицированы семантикой препозитивных прилагательных к smile. Улыбки у женщин сочетаются в основном с миремическими либо с тактильными НВК.

1.3.2. Фонетико-фонологические маркеры гендерной асимметрии

При анализе лингвистических предпочтений мужчин и женщин остается еще не совсем выясненным, является ли женщина менее или более консервативной к изменению языковых норм. Тем не менее, некоторые лингвисты склоняются в пользу большей нормативности женской речи, так как женщина традиционно оказывает большее влияние на воспитание подрастающего поколения, вследствие чего она стремится говорить в соответствии с нормами литературного языка. В условиях билингвизма женщины, как правило, отдают предпочтение тому языку, который в будущем может обеспечить их детям большой успех в жизни (Потапов, 2000, с. 84 – 86).

Ниже приводятся результаты, полученные психологами при оценке региональных типов произношения и стандартного RP, когда и дикторами, и аудиторами-информантами были женщины.

В психологических опытах по восприятию акцента было также установлено, что аудиторы-женщины проявляли большее внимание к изменениям в произношении. Этот

повышенный интерес к акценту проявился и в том, что во всех социально-экономических классах и слоях общества женщины демонстрировали наибольшее число престижных форм и наименьшее число - непрестижных. В данном случае заметно наибольшее различие в показателях между группами мужчин и женщин в нижнем слое среднего класса, где женщины демонстрируют гиперкорректное речевое поведение. В еще большей мере подобные различия обнаруживаются при усилении контроля над речью. Особенности статуса женщин сказываются на воспитании девочек, как, уже в возрасте 6-10 лет девочки стремятся говорить правильнее в присутствии взрослых, чем среди своих сверстников. Эта тенденция заметна и у мальчиков, но в меньшей степени.

В интонационном плане речевое поведение английских женщин практически не описано, за исключением работы о жителях Ньюкасла. Об американских женщинах пишут, что они чаще употребляют интонационные образцы, которые ассоциируются с выражением удивления и вежливости, склонны к использованию восходящего тона в утвердительных предложениях, что объясняется проявлением некатегоричности и неуверенности. Отмечается, что наличие вокализации типа mm, eg, более частотных в речи женщин, обозначает «я с вами согласна», в то время как у мужчин оно обозначает только «я вас слушаю». Даже невербальные средства коммуникации, кинесика и мимика, выражают больше покорности у женщин и настойчивости, в некоторой степени агрессивности у мужчин. Социолингвисты полагают, что это обусловлено принципом власти и влияния в обществе. Основным типом социальных отношений, влияющим на речевое поведение коммуникантов в англоязычном обществе, в том числе на их интонацию, является отношение превосходства и подчиненности.

При анализе интонации мужских и женских голосов обычно обращают внимание на такие явления, как речевая компетентность женщин, авангардизм или консерватизм, эмоциональность, социальный статус и социальная речь. Вопрос о речевой (интонационной) компетентности выявлялся путем сопоставления женских и мужских прочтений текста в группе одного социального статуса. Образованные женщины в такой же степени владеют интонационной нормой для чтения, как и мужчины. Существенное отличие, тем не менее, наблюдается, в частности, для нисходящих тонов. И мужчины, и женщины проявляют тенденцию к повышенной частотности нисходящих тонов. Однако женщины «опережают» мужчин в этом направлении, увеличивая частотность на 21,2% (против 13,4%). Следовательно, предполагается, что женщины проявляют особую чуткость в сфере современных произносительных тенденций при употреблении тонов, становясь действительно проводниками произносительных инноваций.

Женщинам свойственна изменчивость, использование сочетаний элементов различных типов шкал (скользящая + ровная, нисходящая с нарушенной постепенностью + скользящая и т.п.). Перцептивно создается впечатление большего разнообразия, вариативности за счет изрезанности мелодического рисунка. Таким образом, подтверждается одно из устойчивых мнений относительно повышенной эмоциональности женщин, которая в интонационной форме имеет характер нюансов, тонких различий в реализациях.

В отношении высотного диапазона, однако, обнаруживается разногласие с мнением о том, что диапазон голоса у женщин шире, чем у мужчин. Высотный уровень в речи женщин, естественно, выше, но диапазон, тем не менее, более узкий, чем у мужчин. В целом, поскольку тоны в женском исполнении, как и весь мелодический контур, реализуются в относительно узком диапазоне, женщины «уступают» мужчинам по реализации акустического параметра. Речь мужчин, таким образом, звучит весомее, категоричнее. Этому впечатлению в некоторой степени содействуют темп и паузация: в мужском исполнении, как правило, темп несколько медленнее, в основном, за счет увеличения длительности пауз и синтагм. У женщин длина синтагм несколько короче, в результате чего при идентичности текста увеличивается количество синтагм и пауз, но общая длительность пауз у женщин меньше, чем у мужчин, в результате чего текст прочитывается быстрее, темп несколько ускоряется (Потапов, 2000, с. 84 – 86).

Таким образом, в интонационной компетентности образованных женщин на материале чтения обнаруживается стремление использовать более передовые, современные формы в интонации, эмоциональность и меньшая категоричность их нейтральной речи, более низкий, относительно мужского, социальный статус. Что касается социальной роли, приписываемой женщине, то она может выявиться только непосредственно в процессе коммуникации. Неустойчивость социального статуса женщины сказывается в стремлении сохранить социокультурную тенденцию, характерную для чтения, даже перенести ее в разговорную речь, что можно представить как понижение речевой компетенции в отношении стилистической дифференциации в группе RP и гиперкорректность.

1.3.3. Лексико-грамматические маркеры гендерной асимметрии

Наряду с вышеописанными гендерными признаками единиц фонетико-фонологического уровня не менее перспективным представляется анализ гендерных

признаков единиц других языковых уровней, в частности лексического и грамматического.

Род представляет собой грамматическую категорию свойственную разным частям речи и состоящую в распределении слов по двум или трем классам, традиционно соотносимым с признаками пола или их отсутствием. Эти классы принято называть мужской, женский и средний род. Категория рода является характерной чертой грамматического строя индоевропейских языков, несмотря на то, что они отражают разную степень сохраняемости рода, которая находится в прямой зависимости от устойчивости синтетизма в системе словоизменения. Развитие аналитизма в английском языке привело к разрушению словоизменения и утрате родовых противопоставлений в именах. Таким образом, род превратился в скрытую категорию, обнаруживаемую только через анафорические местоимения *he, she, it* («он», «она», «оно»).

Обратимся теперь к некоторым классическим положениям в дихотомии мужской-женский род в современном английском языке. В отличие от русского языка, в котором род имен существительных узнается или по их значению, или по их окончаниям, в английском языке род имен существительных узнается только по их значению.

Названия лиц мужского пола относятся к мужскому роду; вместо них употребляется местоимение *he*: *Where is your brother? He is in the library.*

Названия лиц женского пола относятся к женскому роду; вместо них употребляется местоимение *she*: *My sister said that she would go the tomorrow.*

Ряд имен существительных, обозначающих живые существа, может относиться как к мужскому, так и к женскому роду: *pupil, friend, teacher, cousin, wolf* др. Когда хотят указать, к какому полу относится данное лицо или животное, то к существительному прибавляется слово, указывающее на пол: *a boy - friend, a girl - friend; a he - cousin, a she - cousin; a he - wolf, a she - wolf.*

Ряд имен существительных женского рода образуется от соответствующих существительных мужского рода путем прибавления суффикса *-ess*: *actor - actress; host - hostess; poet - poetess; lion - lioness; tiger - tigress.*

Таким образом, из приведенных выше классических положений гендерного признака в английском языке очевидно, что как и во многих индоевропейских языках нейтральными словами, обозначающими лиц обоих полов, являются слова мужского рода. Образование слов женского рода производится от слов мужского рода, например, с прибавлением некоторых суффиксов и т.д.

Анализ языкового материала свидетельствует, что стилистически маркированная

лексика обладает также и высокой степенью гендерной отнесенности. Прежде всего – это явление языковой и речевой вариативности, заложенной в основу синонимии. Как известно, проблема синонимии, тесно связанная с проблемой выбора языковых средств и эффективности их использования, составляет основу стилистики. В ходе исследования выявилось, что стилистически-нейтральные лексемы, семантической доминантой которых является признак пола, входят в синонимичный ряд, члены которого являются стилистически маркированными, например: **man** – *gentleman, lord, master, sir*; **woman** – *lady, mistress, matron, virago, skirt, nymph*; **boy** – *chap, youngster, fellow, guy*; **girl** – *maid, sweetheart, doll, virgin, lass, petticoat*.

Немаловажную роль в корреляциях стилистически и гендерно маркированных единиц играют процессы словообразования. Производное слово, как известно, представляет сложную, членимую единицу, построенную по определенным правилам сочетаемости морфем в пределах определенной словообразовательной модели. В плане стилистических потенций словообразовательным моделям, обеспечивающим непрерывный словотворческий процесс, отводится первостепенная роль. Это обусловлено прежде всего способностью производного слова к двойному означиванию. Производные слова выполняют одновременно и функцию идентификации, называя предметы действительности, и функцию предикации, обозначая признаки и свойства этих предметов (Арутюнова, 1976, с. 27). Именно эта особенность производных слов способствует тому, что родовой признак, представленный в семантике исходной единицы, преобразуется в гендерный компонент как социокультурную категорию и обеспечивает четкие корреляции между стилистическими и гендерными характеристиками (*manly, womanly, ladylike, unmanly, womanly, sweetheart, boyish, etc.*).

Это основное положение, сложившееся в ходе развития некоторых современных социумов, и вызывает негативное отношение со стороны определенной группы лингвистов, борющихся за пересмотр гендерного признака в современном английском языке.

Так, они считают, что практика закрепления мужского рода за нейтральными понятиями связана с наличием предубеждений в английском обществе в ходе его исторического развития, когда оно являлось «обществом для мужчин» с доминантой патриархата, что не могло не отразиться на эволюции английского языка.

В связи с этим обратимся к некоторым примерам и рекомендациям ряда англоязычных лингвистов, например, С. Jacobson, J.Redfern, В. Sorrels, D.Spender, которые предложили определенные изменения в сфере лексики деловой прозы.

Так, слово «man» в английском языке имеет два значения: оно может означать human being или male human being. Считается, что в соответствии с ранее происшедшими изменениями в социальной сфере использование слова «man» как родового термина привело к исключению из повседневного частотного употребления слова «woman», что явилось следствием искаженного представления заниженной роли женщины в английском обществе. В качестве примера, иллюстрирующего данное положение, приводится утверждение, которое несет в себе в определенной степени элемент несоответствия реальной действительности: «As with other mammals, men suckles his young». (Здесь «man» переводится как «человек», но это, с точки зрения вышеуказанных лингвистов, противоречит здравому смыслу.)

С этой позиции язык, использующий гендерный признак, связан с определенными стереотипами роли мужчин и женщин в англоязычном обществе. Использование для обозначения особей женского пола слов, относящихся к живым существам на более ранней стадии их развития (Girls, Babes, Chicks и др.), усиливает стереотипный взгляд на предубеждение, согласно которому разум женщины находится на менее продвинутой ступени формирования (в таблице 1.1 Система замены слов с родовым признаком «man»).

Таблица 1.1 Система замены слов с родовым признаком «man»

№	Вместо:	Использовать:
1.	Man	human beings, humankind, men and women, women and men, the individual.
2.	The best man for the job	the best person for the job, the best man or woman for the job.
3.	Manpower	workforce, personnel, the staff, the workers.
4.	The common man	the average person, ordinary people, people in general.
5.	Man hours	hours, working time.
6.	Man the desk	staff the desk.

7.	Chairman	chairperson, chair, convenor, mediator, coordinator.
8.	Businessman, businesswoman	business executive.
9.	Foreman	supervisor.
10.	Policeman, policewoman	police officer.

Предлагается ряд рекомендаций по устранению гендерного признака в современном английском языке:

- Не использовать слово «chairman» для обозначения мужчин и слова «chairperson» или «person chairing the meeting» для обозначения женщин.

- Использовать параллельные обращения как для женщин, так и для мужчин. В последнее время в документах возрастает употребление данных наименований. Обращения Miss и Mrs. связаны с семейным положением. В тех случаях, когда используется параллельное соответствующее обращение к мужчине Mr., то по отношению к женщине рекомендуется обращаться Ms.

Порядок перечисления имен обычно располагается по старшинству. Если же данный порядок по каким-либо причинам не используется, то расположение имен осуществляется в алфавитном порядке.

Рекомендуется избегать таких производных имен существительных для обозначения лиц женского пола, как poetess для поэта, и выражений, подобных women doctors, women lawyers, lady artist. Реальным основанием для этого является тот факт, что слова doctor, lawyer, artist обозначают лиц мужского пола. Рекомендуется избегать выражений, в которых ощущается «определенная снисходительность»:

Продолжение табл. 1.2

№	Вместо:	Использовать:

1.	My girl will take care of that Immediately.	My assistant will take of that Immediately.
2.	He girls in the office.	The secretaries, office assistants.

Роль определенных стереотипов по половому признаку. В этих случаях рекомендуется избегать гендерного признака и, следовательно, изменять предположения:

Продолжение табл. 1.2

№	Вместо:	Использовать:
1.	Lecturers have wives and children to support.	Lecturers have families to support or lecturers may have families to support.
2.	We are looking for a good administrator who is his own man.	We are looking for an administrator with a sense of independence and integrity.

Рекомендуется также избегать гендерного признака при описаниях:

Продолжение табл. 1.2

№	Вместо:	Использовать:
1.	The client's behaviour was typically female.	The client's behaviour...(specify the behaviour).

Некоторые лингвисты призывают к замене определенных терминов с выраженным гендерным признаком на термин без данного признака. С этих позиций иногда относительно просто заменять местоимение he при помощи трансформации фразы во множественное число:

Продолжение табл. 1.2

№	Вместо:	Использовать:
---	---------	---------------

1.	The welfare worker is always over- Worked so he...	Welfare workers are alway overworked, so they...
----	---	---

Такие неопределенные и отрицательные местоимения, как somebody, nobody, someone могут быть заменены местоимением во множественном числе they:

Продолжение табл. 1.2

№	Вместо:	Использовать:
1.	Anyone who wants his work evaluated should...	Anyone who wants their work evaluated should...; If a person wants their work evaluated they should...

Рекомендуется избегать возврата противопоставлений his/ her или she/he. Необходимо изменить целый отрывок текста:

Продолжение табл. 1.2

№	Вместо:	Использовать:
1.	Each student is responsible for publications on loan to him.	Students have responsibility for publications taken out on loan, which must be returned to the library by the due date.
2.	He must return them to the library by the due date.	

В заключение следует подчеркнуть, что язык и общество всегда составляли неразрывное единство. В результате изменения роли мужчины и женщины в современном обществе в ряде стран некоторые англоязычные лингвисты предлагают ввести определенные изменения как в лексическую, так и в грамматическую материю языка. Это связано прежде всего с тем фактом, что ряд лингвистов пытается привнести в язык категорию большей нейтральности с позиции гендера.

Таким образом, применительно к функционированию гендерного признака в современном английском языке на уровне фонетики, лексики и грамматики лингвистам в

настоящее время следует обращать особое внимание на фиксацию и анализ важных речевых и языковых изменений, связанных с изменением представления о ролевых функциях мужчин и женщин в современном англоязычном обществе. Следует отметить, что гендерное направление в лингвистике находится в стадии становления, так как имеет недостаточную эмпирическую базу. Другими словами, каким образом пол отражается в языке, его коммуникативной системе, в тексте, лексике, грамматике, фонетике и какие языковые единицы являются наиболее значимыми в плане выражения гендерных различий, и что представляет собой наиболее интересным использование и функционирование данных единиц, имеющих гендерную маркированность.

Выводы по первой главе

Возникновение понятия "гендер" тесно связано с совокупностью социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Общественная значимость категории "гендер" оправдывает его применение ко всем языковым явлениям, имеющим отношение к проблемам пола, так как пол и его проявления не просто "регистрируются" языком, но и приобретают аксиологичность, оцениваются с точки зрения картины мира. Гендер- это совокупность норм поведения и позиций, которые обычно ассоциируются с лицами мужского и женского пола, особый акцент делается на том, что гендер является культурно и исторически относительным, его значение, интерпретация и выражение могут быть

различными как в рамках одной культуры, так и в разных культурах, выступая в качестве причины исторических изменений языковой системы.

Гендерная лингвистика – это новое научное направление, одним из существенных факторов изучения которого являются гендерные аспекты языка и коммуникации, а также преодоление прямолинейной интерпретации гендера. Повышенное внимание к гендерным аспектам языка и коммуникации, наблюдаемое в последние годы, позволяет сделать вывод, что применение гендерного подхода основывается на ряде методологических принципов, важнейший из которых – это понимание пола как лингвистически, социально и культурно конструируемого феномена.

Гендерные стереотипы отражают совокупность биологических признаков, социальных ролей, особенностей психики и поведения, присущие представителям данного пола в рамках данной культуры. Гендерные стереотипы - это социально конструируемые категории "маскулинность" и "фемининность", которые подтверждаются различным в зависимости от пола поведением, различным распределением мужчин и женщин внутри социальных ролей и статусов, и которые поддерживаются психологическими потребностями человека вести себя в социально одобряемой манере и ощущать свою целостность и непротиворечивость. Гендерные стереотипы носят эмоционально-оценочный характер - что необходимо принимать во внимание при анализе скрытых механизмов их влияния на статус женщины. Оценки, заложенные в гендерном стереотипе (женская слабость, пассивность - и мужская отвага; женская чувствительность, эмоциональность - и мужское самообладание).

Гендерная асимметрия – это представление маскулинности и фемининности и их разнообразие, в зависимости от употребления тех или иных языковых единиц, но не в коем случае дискриминации женщины, как это отражалось в начале гендерных исследований в специфике гендерной ассиметрии. Гендерная асимметрия – это отсутствие равномерного соотношения между членами бинарной оппозиции "маскулинное" – "фемининное" на различных языковых уровнях. Особую роль в “утверждении, отражении и сохранении асимметричных отношений между мужчинами и женщинами” играет естественный язык, в частности, система обращений, которой принято пользоваться в языковом социуме.

Формирование речевого кода и этикета, присущих как мужчинам, так и женщинам, основывается на определенных факторах лингвистического и экстралингвистического характера, а также учитывается личностная реализация речевого высказывания в акте

коммуникации, т.е. формируется индивидуальная особенность высказывания или речевого поведения.

Гендерный подход к изучению экстралингвистического фактора, влияющий на речевые характеристики мужчин и женщин дает возможность полагать, что в соответствии с изучением невербальных компонентов коммуникации мужчины и женщины по-разному выражают свои эмоции, экспрессивность, используя при этом различные виды невербального поведения. При выявлении положительных и отрицательных эмоций используется вариативная особенность со стороны мужского и женского пола.

Гендерный аспект лингвистического характера проявляется в фонетико-фонологическом аспекте, где наблюдается гендерная асимметричность, так как в ходе наблюдения была выявлена такая закономерность, что женщины более экспрессивно, эмоционально, вежливо высказывают свои мысли, в то время как мужчины менее эмоциональны, сдержанны, высотный уровень тона более узкий, чем у мужчин и, таким образом, речь мужчин весомее и категоричнее. Также и мужчины, и женщины используют повышенную частотность нисходящих тонов, следовательно, женщины более правильно и тщательнее произносят корректные и правильные тона.

Лингвистический аспект лексико-грамматической характеристики гендерной асимметрии могут рассматриваться как гендерно релевантными, поскольку само представление гендера включает в себя и род употребления, дающий значение мужского или женского пола. Гендерная асимметрия на морфологическом уровне означает наличие преферентного употребления определенной формы лексемы в структуре слова или словосочетания, зависящего от обозначения этой лексемой лица мужского или женского пола. В лексическом и грамматическом аспекте женщины и мужчины по-разному используют языковые единицы и более этого придают свое значение и смысл к употребляемым словам. Несмотря на то, что роль мужчин в языковом социуме высока, предпринимается ряд рекомендаций по устранению гендерного признака в современном английском языке, т.е. применять нейтральные языковые средства выражения маскулинности и фемининности, а также учитывать специфику употребления слов, которые имеют гендерную маркированность.

Глава 2. Стилистические аспекты гендера

2.1. Гендерно-маркированные стилистические единицы

Сегодня к наиболее актуальным вопросам относят изучение конструирования гендера языковыми средствами в различных видах дискурса. Причем наименее исследованным вопросом является изучение дискурсивного фактора «гендер» на выбор языковых средств в процессе коммуникации. Гендерный подход к анализу языковых единиц в настоящее время получает все большее признание среди лингвистов. Гендерная лингвистика рассматривает проблемы, связанные с описанием социальных, культурных оценок, приписываемых мужчинам и женщинам. Одной из основных задач гендерной лингвистики выявляется выявление таксономии языковых единиц, наиболее значимых в плане выражения гендерных различий. Другими словами, важно установить, как гендер получает отражение в номинативной системе языка и в тексте. Можно отметить, несколько существенных лингвистических механизмов, которые детерминируют стилистическую и гендерную маркированность языковых единиц (Ашурова, 2007, с. 75-77).

Наиболее представительной группой гендерно и стилистически маркированных языковых единиц является антропонимы. Этот факт объясняется особенностью семантики этих единиц языка, обозначающих родовой признак. Антропонимы, выраженные именами собственными, характеризуются гендерной отнесенностью, а что касается стилистической характеристики, то в системе антропонимов выделяется группа оценочных единиц, которые по своей сущности относятся к характеризующим знакам, т.е. имеют способность обобщенной репрезентации свойств обозначаемого лица и его качественной оценки (Uncle Tom, Hercules, Aphrodite, Solomon, Don Quixote, etc.). Такие лексемы можно обозначить как гендерно- стилистически маркированные.

Взаимодействие гендерных и стилистических характеристик в наибольшей степени проявляется в процессе фразеологизации. Исследование последних лет показали высокую значимость гендерного фактора во фразеологии (Зыкова, 2003, с.21-23). Основу интеракции гендерного и стилистического компонентов в семантике фразеологических единиц составляет живая внутренняя форма, которая, по утверждению А.В.Кунина, является «источником той информации на основе которой возникают образность, эмотивность, экспрессивность фразеологической единицы как при их узувальном, так и при окказиональном употреблении» (Кунин, 1996,с.18). Такими примерами могут послужить: **a toy-boy** – a handsome young man who is chosen as a lover by a much older but wealthy woman (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.14); **a man to man talk** –

when men talk honestly about subjects which maybe difficult (Cambridge International Dictionary of Idioms, 1999, p.15); **girl power** – the influence that young women feel they can wield over social and economic issues (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.59); **like a lady** – to behave perfectly, to have excellent manners, to be exquisite (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.245).

Мы рассмотрели примеры гендерной и стилистической маркированности лексических единиц в системе языка. На уровне текста, в частности художественного текста, также можно выделить фрагменты, где корреляция гендерных и стилистических факторов становится особенно значимой.

Показателем взаимодействия гендерных и стилистических характеристик является гендерно-ориентированные высказывания или афоризмы, а также паремии (пословицы, поговорки) английского языка. Рассматривание паремий как коммуникативный класс фразеологизмов представляет наибольший интерес с точки зрения их отнесенности к референту-мужчине (**boys will be boys** – used in order to say that it is natural for boys (men) to be noisy and untidy, or behave badly and do things that are not sensible (Early American Proverbs and Proverbial Phrases, 1997, p.22) или к референту-женщине (**ladies who lunch** - wealthy women who do not have to work and have much time on their hands for socializing, gossiping and dining in exclusive restaurants) (Dictionary of Proverbs, 1995, p.132) фиксации гендерного компонента при анализе его проявлений в плане выражения и плане содержания, а также определение оценочности гендерных и стилистических характеристик. Экспрессивность речи, при характеристике представителей противоположной гендерной идентичности, как в эксплицитных, так и в имплицитных высказываниях, свойственно и женщинам, и мужчинам. При этом существует определенная дистрибуция выражения положительной и отрицательной оценочности в зависимости от эксплицитного или имплицитного выражения информации.

Эвфемистические единицы, маркированные по гендерному параметру и созданные с учетом прагматического принципа вежливости в современном английском языке. Отталкиваясь от характера исследуемого материала, мы считаем целесообразным обозначить рассматриваемые нами эвфемизмы как гендерно-вежливые, то есть вызванные «гендерной вежливостью», которая понимается нами как стратегия речевого поведения, направленная на уважительное, не дискриминационное отношение к представителям любого пола (женского в нашем исследовании). Данное понятие является условным, оно вводится и используется в работе как компактный и емкий термин для обозначения исследуемого явления.

Изучение гендерного аспекта в портретных описаниях предполагает рассмотрение дифференциальных признаков, присущих мужскому или женскому портрету. Результаты ряда исследований показали, что языковыми маркерами категории «женственность» являются лексемы, соотносящиеся с понятиями красоты, мягкости, нежности и слабости (*graceful, fine, beautiful, sweet, lovely, delicate, soft, fresh, etc.*). Языковыми маркерами «мужественность» являются языковые единицы, соотносящиеся с понятиями силы и воли (*firm, massive, strong, solid, powerful, etc.*) (Акбарова, 2005, с.17).

Таким образом, наличие корреляций между стилистическими и гендерными факторами доказывает положение о том, что между стилистикой и гендерной лингвистикой имеется много точек соприкосновения, что вызывает необходимость формирования гендерного направления в стилистике.

2.1.1. Фразеологизмы как гендерно маркированные стилистические единицы

Большой интерес представляет собой изучение особенностей реализации гендерного фактора, который обусловлен и богат неисчерпаемым потенциалом фразеологического фонда языка. Стоит отметить, что особенности фразеологического потенциала языка обладают характерными и универсальными особенностями, а именно долгосрочность хранения культурно значимой информации, с одной стороны, и быстрый отклик на самые современные и актуальные социокультурные тенденции, с другой стороны. Примером может служить бурное развитие феминизма и феминистической культуры, которое вошло в языковой обиход английского этноса. Например, ФЕ такие как: **a New Man** – a man who shows his belief in the equality of sexes by helping his partner with care of the children and by sharing the work that needs to be done in the house (Cambridge International Dictionary of Idioms, 1999, p.321) (мужчина, который разделяет идеологию равенства полов и в связи с этим помогает воспитывать и ухаживать за детьми и выполнять домашнюю работу); **a girl power** – the influence that young women feel they can wield over social and economic issues. The Spice Girls took on slogan of Girl Power, a term which has been current since the 1980s (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.12) (влияние, которое могут оказывать молодые женщины на решение социальных и экономических вопросов).

Таким образом, фразеологическое пространство языка как культурный срез того или иного народа может более полно раскрывать особенности понятий "маскулинность" и "фемининность", отражающих характерный для различных сообществ социальный опыт (Бахлитьева, 2003, с.35). Гендерных исследований в области фразеологии не так много.

Среди них можно выделить монографию В.Н.Телии, которая включает раздел, посвященный отражению культурного концепта "женщина" в русской фразеологии. (Телия, 1998, с.32-35). Отражению гендерных стереотипов в русском и немецком фразеологическом фонде посвящена отдельная глава в монографии А.В.Кирилиной, где обнаруживаются общие черты, такие как андроцентричность (ориентированность языка на дефиниции и оценки производимые с точки зрения мужчин), а также более низкая оценка женщин в обоих языках, где женщина выступает объектом действия, предмет потребления (Кирилина, 2003, с.35-37). Положительные характеристики женщин можно рассмотреть в тех случаях, когда женщины оказываются полезными для мужчин. Гендерный подход открывает большие и новые возможности для исследования фразеологического фонда любого языка и обеспечивает расширение границ для изучения семантики идиом с помощью детальной обработки данных, полученных при анализе понятий "мужчина" и "женщина" (Добровольский и др., 1990, с.87). В настоящий момент изучение гендерной отнесенности идиом имеет существенную проблему, связанную, главным образом, с помощью каких средств осуществляется фиксация гендерного компонента. Первая попытка определения способов регистрации гендерного компонента в английских фразеологизмах была предпринята А.В.Куниным (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, с.125-126). Существенным признаком фразеологических единиц является их гендерная референция, т.е. отнесение фразеологизмов к маскулинной, фемининной или интергендерной сферам, которое включает в себя употребление по отношению к лицу мужского или /и женского пола; употребление лицом мужского пола или /и женского пола; соотнесение по ассоциациям с маскулинными или/и фемининными понятиями (сферами) (в таблице 2.1 Гендерная референция фразеологических единиц.

Таблица 2.1 Гендерная референция фразеологических единиц

Референциальный уровень	1) <i>маскулинная референция:</i> <u>he</u> is his father's <u>son</u> – he resembles his father in character
	2) <i>фемининная референция:</i> <u>lady</u> Bountiful – a country lady who gave half her money to charity
	3) <i>интергендерная референция:</i> even <u>Homer</u> sometimes nodes – even the most

	gifted person occasionally makes mistakes
--	--

Вследствие сверхсложного характера идиом в качестве маркеров гендера, как показало исследование, могут выступать структурные элементы-слова-компоненты фразеологизмов, обозначающие лицо мужского или женского пола, или смысловые компоненты в семантике идиом. Соответственно гендерно маркированным в английских ФЕ может быть как **план выражения**, так и **план содержания**. В случае *семантического* подхода к отбору гендерно маркированных идиом, в качестве гендерных маркеров плана содержания английских идиом были зафиксированы разнообразные существительные, актуализирующие то или иное состояние, роль, признак, качество, функцию мужчины или женщины, например: **below the chair** - не занимавший пост лорд-мера (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.26), **a red coat** - "красный мундир" (Брусникина, 1999, с.17), английский солдат, **a bird dolly** - жарг. хорошенькая нарядная девушка (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.18), **an unappreciated blessing** - шутил. "не востребованное сокровище", незамужняя женщина (Маккей, 1995, с.19). В данной работе принципиально важным, на наш взгляд, является разграничение таких понятий, как семантическая гендерная маркированность и гендерная референция идиом. Под семантической гендерной маркированностью понимается указание на класс объектов, обозначаемых в дефиниции идиом. Гендерная референция указывает на объект, по отношению к которому ФЕ используется в конкретном акте коммуникации, или относит фразеологизм к группе понятий соотносимых с той или иной гендерной категорией. Нетождественность этих понятий может быть проиллюстрирована следующими выражениями: 1) **One of the boys** - to be part of a group of *men* who are friendly and spend time together, doing ordinary things that men are expected to do. Your may hear people describes **a woman** as being one of the boys if she is friends with a group of men and likes doing the things they do (Longman Idioms Dictionary, 2000, p.146) (свой парень); 2) **tin Lizzie** - (амер. разг.) a motor car, especially a very early Ford. Origin: early 20th century: 'Lizzie', a pet form of the given name *Elizabeth* (старый Форд, подержанная машина) (The New Oxford Dictionary of English, 1998, p.745). В первой идиоме маркером семантики является слово, обозначающее лицо мужского пола, однако в речевом высказывании она (ФЕ) может употребляться и по отношению к женщине. Во второй ФЕ, семантический маркер гендера вообще отсутствует, так как данная ФЕ является индетерминированной, т.е. обнаруживается отсутствие первичного денотата и не имеющий конкретного денотата,

тем не менее представление о транспортном средстве традиционно ассоциируется с женским образом (ср.: ship, car-"she") (в таблице 2.2 Гендерная корреляция фразеологических оборотов).

Таблица 2.2 Гендерная корреляция фразеологических оборотов

№	I. Структурный уровень	II. Семантический уровень	III. Референциальный уровень
1) Линейная корреляция	Эксплицитная: <i>A <u>woman</u> of letters</i> <i>A <u>maiden</u> speech</i>	A female author or scholar The first speech a member makes in Parliament	Референт-женщина Фемининная референция
2) Нелинейная корреляция	Имлицитная: <i>Serve two <u>masters</u></i> <i>A big <u>girl's</u> mouth</i>	Someone must live according to two ideas, or to be loyal to two different groups at the same time, especially when this is difficult A man or boy who behaves in a way which other men think is a woman would behave	Интергендерная референция Референт-мужчина

Гендерная корреляция система синтагматических отношений между структурными, семантическими и референциальными языковыми уровнями, представляющими собой отдельные сферы функционирования гендера, где линейная гендерная корреляция представляет собой возможность последовательного или синтагматического выведения гендерной референции ФЕ из структурного и семантического уровней функционирования гендерного фактора при полном совпадении его гендерной характеристики и нелинейная гендерная корреляция, т.е. невозможность последовательного выведения гендерной референции ФЕ из структурного и семантического уровней функционирования

гендерного фактора в связи с изменением его гендерной характеристики на одном из уровней.

Исследование гендерно маркированных ФЕ, отобранных с позиции структурного критерия, показало, что репертуар лексем, которые являются гендерными маркерами плана выражения идиом может быть представлена четырьмя основными группами: 1) антропометрическими лексемами т.е. существительные, называющие людей по признаку пола и/или возраста (Силинский, 1995, с.25-27); 2) терминами родства; 3) антропонимическими лексемами (именами собственными); 4) агентивными существительными (обозначающими названия профессий и должностей).

Первые две группы представляют собой закрытые системы гендерных оппозиций, поскольку количество входящих в них гендерно противопоставленных пар лексем, как показало исследование, регламентировано. Первая группа гендерных маркеров включает одиннадцать гендерных лексических оппозиций, таких как: **boy-girl; man-woman; maid/maiden-fellow/guy/lad; Mr-Mrs-Miss; male-female; gentleman-lady; lord/master-mistress; knight/chevalier-dame; king-queen; prince-princess; duke-duchess**, например: **a glamour girl** – красотка, шикарная девица (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.14); **a slip of a boy** - худышка, тростиночка (о мальчике или девочке) (Брусникина, 1999, с.17); **a media queen** – a beautiful woman who is the favorite subject of journalists and television reporters (American Idioms Dictionary, 1991, p.16); **Mr. Right** – разг. будущий муж, суженый, избранник (a man who would be the perfect husband for a particular woman because he has all the qualities that she wants) (Cambridge International Dictionary of Idioms, 1999, p.389); **Mrs. Thing** - миссис «Как там ее» (выражение употребляется, когда говорящий не знает имени и фамилии замужней женщины) (Маккей, 1995, с.132); **a lady killer** – a handsome man who believes that woman cannot resist him and want him desperately (Brewer's Dictionary of 20th – Century Phrase and Fable, 1993, p.18). ФЕ, опорными компонентами которых являются антропометрические лексемы (АЛ), т.е. существительные, семантической доминантой которых является признак пола, представляет самую многочисленную группу гендерно маркированных идиом. Необходимо отметить, что в основе гендерных маркеров, выраженных АЛ, лежит четкое дихотомическое деление, т.е. распределение лексем данной группы на пары соподчиненных элементов с определенной гендерной характеристикой, а именно противопоставление мужского и женского родов. Группа ФЕ с АЛ носит андроцентричный характер. На андроцентричный характер ФЕ с АЛ указывает тот факт, что мужские АЛ, обладают большей фразеологической активностью, чем женские АЛ.

Среди мужских АЛ гораздо чаще других в процессе фразеологической номинации участвует лексема **man**, которая является компонентом 86-и идиом, а среди женских АЛ наибольшее количество фразеологизмов образуют лексемы **lady** (24ФЕ) и **woman** (20ФЕ). Преобладание ФЕ с мужскими АЛ говорит о более высокой степени их релевантности, о большей коммуникативной востребованности мужских АЛ. Исследование гендерной референции идиом с АЛ позволяет распределить их по следующим группам:

1) **группа идиом**, относящихся к референтам мужского пола, например: **an old woman** – пренеб. «старая баба», робкий или суетливый человек (о мужчине) (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.17); **the answer to a maiden's prayer** – разг. шутл. «мечта девушки», красивый холостяк, завидный жених, красавец-мужчина (Маккей, 1995, с.150); **a Miss Nancy** – разг. неженка, «девчонка» (о мальчике, юноше) (*an effeminate young man*) (Маккей, 1995, с.16); **play the woman** - плакать, трусить, вести себя как «баба» (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.786); **to hide behind a woman's skirts** – to try to avoid the consequences of one's actions by putting the blame on a woman. (A Concise Collection of American English Idioms for Everyday Use, 1996, p.225); **the old-boy network** – an association of ex-public school boys (Cambridge International Dictionary of Idioms, 1999, p.425); **to make a man out of someone** – turn a young man into a mature adult (The New Oxford Dictionary of English, 1998, p.856); **gal boy** – a romping girl, called also tomboy, milksop (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.41); **to feel like a king** – to feel majestic and proud (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.264); **man and boy** – с юных лет (Маккей, 1995, с.115); **between man and man** – как мужчина с мужчиной (in a direct and frank way between two men) (The New Oxford Dictionary of English, 1998, p.98); **odd man** – член комиссии, чей голос может быть решающим (The Concise Oxford Dictionary of Current English, 1995, p.698);

2) **группа идиом**, относящихся к референту-женщине, например: **a man eater** – (informal) a woman who attracts men very easily and has many relationships (Cambridge International Dictionary of Idioms, 1999, p.14); **low man on the totem pole** – the person of least importance or rank (A Concise Collection of American English Idioms for Everyday Use, 1996, p.259); **woman's reason** – женская логика (Cambridge International Dictionary of Idioms, 1999, p.578); **to be an old maid** – to be a spinster long past marriageable age (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.263); **woman to woman** - in a direct and frank way between two women (The New Oxford Dictionary of English, 1998, p.2100); **a woman of the streets** – уличная девка, девушка легкого поведения (Маккей, 1995, с.16); **woman of letters** – литератор, писательница (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.362);

3) группа идиом, относящихся как к референтам мужского, так женского пола, например: **as jolly as sandboy** – очень веселый, жизнерадостный, в нем жизнь бьет ключом (very happy and to have no worries) (The New Oxford Dictionary of English, 1998, p.16); **fit for a king** – suitable for a king's use (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.168); **a wise guy** – самоуверенный человек, зазнайка (Brewer's Dictionary of 20th – Century Phrase and Fable, 1993, p.16); **Good Lord!** - видит бог!, бог мой!, боже мой! (Маккей, 1995, с.36); **a new boy** – someone who is new to a position of employment or a place of work (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.14); **the men in white coats** – (humorous) doctors who look after people who are mentally ill (Cambridge International Dictionary of Idioms, 1999, p.426); **man/woman of the world** – a person who is experienced in the ways of sophisticated society (The New Oxford Dictionary of English, 1998, p.895); **a half-baked boy or girl** – a foolish, stupid boy or girl (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.16); **driven man/woman** – a highly motivated person, possessing the power to fulfil his or her aims (The New Oxford Dictionary of English, 1998, p.126). Отличительной чертой идиом первой и второй групп является наличие случаев, когда внутренняя форма ФЕ содержит лексему, обозначающую лицо женского или мужского пола, а в результирующем значении фразеологизм приобретает не соответствующую, а противоположную гендерную референцию. Наиболее характерным в данном случае является употребление женских АЛ для обозначения референтов-мужчин, например: **an old woman, the answer to a maiden's prayer, a Miss Nancy**. Было также зафиксировано два случая употребления мужской АЛ в качестве стержневого компонента ФЕ, относящийся к референту-женщине: **principal boy, a man eater**. При компонентном анализе ФЕ *an old woman* были выявлены следующие результаты при помощи использования компонентного анализа: **an old woman** – a basheful, shy man → (CCAЕI) → shy; **shy** – *afraid to meet or to talk to other people*, timid, coward → (TEWD) → timid; **timid** – *easily frightened*, coward → (TEWD) → coward; **coward** – a person who has *no courage* and shows *fear* in a shameful way → (NODE) → shame; **shame** – *disgrace*, loss of approval – «старая баба», робкий или суетливый человек (о мужчине) → (TEWD). ФЕ с такими лексемами обозначает мужчину не надежного, трусливого, который не может постоять за себя, за близких и в данном случае употребляется как отрицательная коннотация по отношению к мужчине, хотя в структуре идиомы содержится лексема обозначающая или относящаяся к референту-женщине. Другая ФЕ **a male chauvinist pig** при анализе компонентного состава содержала следующие компоненты в своей структуре:

a male chauvinist pig – any *man* who is domineering or aggressive, forceful in his attitude to women and ‘pig’ – stands for male greed and insensitivity → (AID) → aggressive;

aggressive – marked by obtrusive energy, forceful → (TEWD) → forceful; **forceful** – *strong and vigorous* → (COD), т.е. наличие таких качеств как храбрость, смелость, стойкость, агрессивность более свойственна качествам характера мужчины, нежели женщины и данная ФЕ возникла из тех отношений и качеств, статусу и положению мужчины в данном обществе и языковом социуме и имеет отрицательность в отношении того, что мужчины менее эмоциональны, порочны, не чувствительны в общении с женщинами. Следует отметить, что фразеологизмы, в плане выражения которых употребляются лексемы, обозначающие лицо женского пола, но их гендерная референция определяется как маскулинная, т.е. данные идиомы употребляются только по отношению к мужчине, в большинстве случаев имеет отрицательную коннотацию. Данный факт говорит о том, что приписывание мужчинам женских черт и качеств удваивает степень негативности, усиливает к ним отрицательное отношение. Особенностью гендерной референции третьей группы является наличие в данной группе идиом, имеющих интергендерный характер, т.е. они имеют тенденцию по отношению к денотату того или иного пола. Это означает, что они могут относиться как к мужчине, так и к женщине, но частотность их употребления по отношению к представителю мужского или женского пола разная, например, следующие идиомы гораздо чаще употребляются по отношению к референту-мужчине, чем к референту-женщине: **one of the boys, a hit man, your lord and master, a medicine man**. Гендерная асимметрия отнесенности идиомы устанавливается также с помощью анализа ее контекстных употреблений, например фразеологизм: **low man on the totem pole** гораздо чаще употребляется по отношению к женщине, что может быть подтверждено рассмотрением особенностей его дискурсивного употребления, например: "Sheila eventually wanted to become a manager, but since she had just joined the company, for now she would have to be low man on the totem pole" [Cambridge International Dictionary of Idioms]. Отличительной чертой ФЕ, относящихся к третьей группе являются также различные способы семантического нивелирования гендерного фактора, а именно: 1) нейтрализация гендерной характеристики мужской АЛ, например: **a new boy, the men in white coats**; 2) присутствие в структуре ФЕ вариантных АЛ, т.е. обозначение как мужчин, так и женщин, например: **man/woman of the world, a half-baked boy or girl**. Компонентный анализ словарных дефиниций выявил следующие параметры гендерных компонентов в ФЕ **gal boy**:

gal boy – a romping girl, called also tomboy, milksop (PDEI) → romp girl;

romp girl – playing in a *lively way*; to run or play in a lively, careful or boisterous manner; to move or proceed in a brisk, easy or *playful* manner (TEWD) → boisterous;

boisterous – coarse, *durable*, *strong*, *stormy* (TEWD) → coarse;

coarse – implicate *roughness*, *rudeness*, *crudeness* of spirit, behaviour – грубость, грубый, неотесанный (TEWD);

Компонентный анализ словарных дефиниций показал, что «**romp** – девчонка-сорванец, веселая, живая девушка или женщина» - демонстрирует наличие стереотипа о том, что живость, резвость, склонность, к приключениям и грубоватым играм свойственна более мальчикам, чем девочкам.

a tomboy – a girl who acts or dresses in a boyish way, milksop, liking **rough outdoor activities** (COD) → milksop ;

milksop – a feeble or *ineffectual* man or youth, wimp, weakling (COD) → feeble;

feeble – weak, *without strength* – слабый, нежный (TEWD) → wimp;

wimp – a cowardly, ineffectual, *weak* person (COD). Примечательно, что данная ФЕ может употребляться и относительно референта мужского пола, приобретая пренебрежительное значение «женоподобный мужчина/мальчик», «недомальчик», не настоящий мальчик, а всего лишь девочка, одеждой похожая на мальчика: The boy's father was afraid he was going to grow up a **milksop sort of gal boy**, anyhow. Резко отрицательный характер ФЕ gal boy в данном случае усиливается за счет употребления существительного milksop – бесхарактерный человек, "тряпка", "баба", что, поясняет, какие именно характеристики женщины (слабость, нерешительность, беспомощность) акцентируются в данном примере.

Miss Nancy – an effeminate young man → (CIDI) → effeminate;

effeminate – (of a man) having qualities that are thought to be feminine, sissy, *molly-coddle* → (TEWD) → feminine;

feminine – to do with or *like a women*, *sissy* → (TEWD) → sissy;

sissy – a timid or cowardly person → (COD) → timid;

timid – easily *frightened*, coward → (COD) → coward;

coward – a person who has no *courage* and shows *fear* in a shameful way → (TEWD) → shame;

shame – disgrace, loss of approval – трус, трусливый; неженка → (COD).

Другая ФЕ **Miss Nancy** "девчонка" имеет резко отрицательную характеристику, так как при анализе словарных дефиниций неженка имеет отрицательную окраску: неженка, женоподобный, а слово sissy является производным образованием от слова sister, т.е. квази-обращение "сеструха", имеющее отрицательную коннотацию.

Отрицательный характер глагольных идиом можно наблюдать в следующих примерах: **play the woman, to hide behind a woman's skirts**. Оценочность в ФЕ с АЛ определяется положительно: **driven man/woman, one of the lads**; отрицательно: **a wise guy, a woman of the streets** и нейтрально: **odd man, woman of letters**. Гендерная референция ФЕ **Good Lord!** определяется как маскулинная или фемининная в соответствующих контекстах: 1) Good Lord, I didn't know you were upset about your change of job. – Видит бог, я не знал, что вы так переживаете уход со старой работы [Dickens: p.59]; 2) ‘Was that the young man, the one I saw you with?’ He really some ghastly expressions. The young man! ‘Good Lord, no, she cried. He was just an old friend who comes from my part of the world. – А кто это был с вами? Ваш ухажер? Какие у него выражения! «Ухажер»! – Да что вы, вовсе нет! – воскликнула мисс Мэтфилд. – Это просто мой старый знакомый, земляк [Priestley: p.105]. Вторая группа гендерных маркеров включает семь гендерных оппозиций, обозначающих семейно-родственные отношения, а именно: **mother-father; daughter-son; sister-brother; aunt-uncle; wife-husband; grandmother-grandfather; widow-widower**, например: **The Father of Rivers** – амер. "мать рек", "мать вод" (прозвище реки Миссисипи) (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.659); **brother in arms** – боевой товарищ, собрат по оружию (Брусникина, 1999, с.27); **a sister of mercy** – монахиня, сестра милосердия (Маккей, 1995, с.17); **give the bride away** – (for a bride's father) to accompany the bride to the groom in a wedding ceremony (American Idioms Dictionary, 1991, p.46); **a green widow** – a wife who has to spend all day by herself in her home in the country while her husband goes to work in the town (American Idioms Dictionary, 1991, p.15); **mother earth** – поэт. мать сыра-земля (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, с.249). Большое влияние на значение, употребление и функционирование слов, обозначающие семейно-родственные отношения, могут оказывать различные социокультурные факторы, связанные с пониманием женских и мужских ролей в обществе, и в семейной сфере в частности (Багичева, 1993, с.78-82). В ТР, участвующих в образовании гендерно маркированных ФЕ английского языка, основными семантическими признаками являются характер родства, пол и возраст. Следует отметить, что женских терминов родства в английской фразеологии больше, чем мужских, и они обладают большей фразеологической активностью: 94 ФЕ с женским ТР против 85 ФЕ с мужским ТР (54% и 46%). Данный факт представляется довольно интересным, поскольку говорит о неандроцентричном (**гиноцентричном**) характер идиом с ТР, а также о гендерной асимметрии, центром которой является система ценностей фемининной культуры (Добронравин, 1998, с.45). Проанализировав фразеологическую активность женских ТР,

следует отметить, что доминирующее положение по количеству образованных ФЕ занимают лексемы, которые можно рассматривать как три формальные гиноцентричные вершины. Среди мужских терминов количественное превосходство при фразеологизации имеют лексемы, которые можно считать тремя формальными андроцентричными вершинами. Три андроцентричные вершины обозначают отношения кровного родства, в то время как три гиноцентричные вершины обозначают отношения как кровного, так и некровного родства (Бурыкин, 1998, с.128). Исследование гендерной референции ФЕ позволяет распределить все идиомы с ТР по следующим группам:

- 1) **группа ФЕ**, относящихся к референтам-мужчинам, например: **big brother** - ирон. "старший брат", более крупная компания, сильный конкурент (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.25); **one's uncle's** - лавка ростовщика (Маккей, 1995, с.87); **be tied to your mother's apron strings** – if someone, usually a man, is tied to their mother's apron strings, they still need their mother and cannot think or act independently (Cambridge International Dictionary of Idioms, 1999, p.59); **like a father** - «по-отечески, авторитетно, строго, но благожелательно» (American Idioms Dictionary, 1991, p.216); **a father figure** – a man who takes the place of father to a young man, as Dr. Johnson did to Boswell (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2000, p.15); **I'll be a monkey's uncle!** – (old-fashioned) something that you say when you are very surprised (Cambridge International Dictionary of Idioms, 1999, p.258); **have too much of his mother's blessing** - быть не в меру застенчивым (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.96);
- 2) **группа идиом**, относящихся к референтам-женщинам, например: **sob sister** – амер. жарг. 1) репортер, пишущий душещипательные статьи; 2) чувствительная особа (обыкновенно о людях, любящих заниматься благотворительностью) (1.a female journalist who writes articles with sentimental appeal or answers readers' problems; 2. an actress who plays sentimental roles) (The New Oxford Dictionary of English, 1998, p.875); **widow's weeds** - вдовий траур (American Idioms Dictionary, 1991, p.446); **a daughter language** – a language which derives from an older one, e.g. the Romance languages, French, Italian, Spanish, etc., from Latin (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2000, p.16); **a fish-wife** – a woman who is vulgar and uses bad language (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2000, p.19); **not for widows and orphans** – not for investors of limited means who cannot afford to take risks with their money (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2000, p.254); **Eve's daughter** – a female descendent (женщина) (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.45); **a daughter or horse-leech** - ненасытная вымогательница, кровопийца (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2000, p.17);

3) группа идиом, относящихся к референтам обоих полов, например: **a weak sister** – амер. разг. пренебр. 1) человек, на которого нельзя положиться, ненадежный человек, слабак, "баба"; 2) изнеженный, беспомощный, неприспособленный к жизни человек, кисейная барышня, маменькин сынок (a weak, ineffectual, or unreliable member of a group) (The New Oxford Dictionary of English, 1998, p.18); **every mother's son** – все как один, все до одного (everyone) (Longman Idioms Dictionary, 2000, p.83); **old enough to be someone's mother/father** – as old as someone's parents (American Idioms Dictionary, 1991, p.248); **everyone and his brother** – (American) a very large number of people (Longman Idioms Dictionary, 2000, p.87); **an old wife** - кумушка, сплетница, старая баба, сплетник (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.120); **my giddy (sainted) aunt** - «вот те на!, вот так!, вот так штука!, подумать только!, ну и ну!» (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2000, p.158); **mother's milk** – хлеб насущный, что-либо необходимое (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.459); **an agony aunt/uncle** – a person who answers readers's problems in letters sent to her/him for advice (American Idioms Dictionary, 1991, p.14). Nearly every magazine has 'an agony' column which is devoted to these letters: "The agony aunt of our local paper had a nervous breakdown after hearing about so many of her readers's problems"; (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2000, p.17); **since Auntie had her accident** – австр. жарг. давненько, давным-давно, в те далекие времена (Брусникина, 1999, с.52). Общими для первых двух групп является фактор, определяющий основной принцип их гендерной отнесенности, т.е. гендерная референция идиом, входящих в данные группы, зависит в большинстве случаев от гендерной идентификации их центрального компонента. Если опорным компонентом является ТР, обозначающий женщину, то идиома относится к референту-женщине и наоборот. Выделенные группы имеют и свои особенности. В группе ФЕ, относящихся к референту-мужчине, встречаются фразеологизмы, семантическими центрами которых являются ТР с обозначением женщины, например: **mamma's (mother's) darling** – маменькин сынок (a boy who is indulged or spoiled by his mother) (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.241). Описание данной ФЕ при использовании компонентного анализа показало:

mamma's (mother's) darling – маменькин сынок (a boy who is indulged or spoiled by his mother) → (ССАЕИ) → spoiled boy ;

spoiled boy – a selfish male descendant who makes what he wants → (СОД) → selfish;

selfish boy – a person who is not thinking of other people → (ТЕВД).

В группе ФЕ, относящихся к референту-мужчине, встречаются фразеологизмы, семантическими центрами которых являются ТР с обозначением женщины, например: **mamma's (mother's) darling** т.е. мужчина, которому не свойственна данная черта характера, что характеризует отрицательную коннотацию в отношении референта мужчины. Характерной чертой подобных ФЕ является резко отрицательная оценочность их семантики.

Характерной чертой подобных ФЕ является резко отрицательная оценочность их семантики. Употребление женских ТР в структуре ФЕ по отношению к представителю мужского пола эксплицирует пренебрежительное отношение к мужчине, имеет цель обидеть и унизить его. Осуждению и критике подвергаются, как правило. Приписываемые ему женские качества: характер, манера поведения. Компонентный анализ фразеологической единицы **a weak sister** показал:

a weak sister – a weak ineffectual unreliable man in society, remiss, limp → (NODE) → ineffectual man;

ineffectual man – not achieving anything, remiss → (CCA EI) → remiss;

remiss – *careless* about what to do, limp → (CCA EI) → limp;

limp – *without strength or energy, not stiff or firm*, indicating *weakness* → (TEWD). Так, употребление ФЕ **a weak sister** по отношению к мужчине манифестирует безграничное презрение, которое к нему испытывают окружающие его люди: родственники, партнеры, друзья, например: 1) My sister married Gerald Baldwin... I was opposed to the match with Gerald. He looked to me like a weak sister and a chaser - Моя сестра вышла замуж за Джеральда Болдуина... Я был против этого брака. Я считал его человеком ненадежным и порядочным бабником [Gardner: p.46]; 2) You are a weak sister, Johnnie, and I can not trust you any more... Ты баба, Джонни, я тебе больше не доверяю... [O'Connor: p.85]. Особенностью третьей группы является то, что процесс нивелирования гендерного компонента в семантике ФЕ может проходить в четырех направлениях: 1) с помощью снятия гендерной характеристики женского ТР, например: **an old wife**, например в контексте: I do not make anything of Trent; I do not know whether he is liar or only an old wife - Никак не пойму Трента. Не знаю, лгун он или просто сплетник [The Concise Oxford Dictionary]; 2) с помощью снятия гендерной характеристики мужского ТР, например: **everyone and his brother**; 3) с помощью одновременного употребления в структуре идиомы двух ТР с разной гендерной отнесенностью, например: **every mother's son**; 4) с помощью вариантной реализации в ФЕ мужского и женского ТР в зависимости от ситуации, например: **an agony aunt/uncle**. В группе ФЕ, обращает на себя внимание,

большая флективность фразеологизмов с мужским ТР в их гендерной референции, идиомы с женскими ТР, наоборот, отличаются большей устойчивостью гендерной отнесенности. Исследование оценочного компонента семантики ФЕ с ТР, преобладают обороты с нейтральной оценкой, например: **Eve's daughter, mother's milk**; с отрицательной оценкой: **a daughter or horse-leech, have too much of his mother's blessing**; положительная оценка: **ship's husband, a mother lode of something**. Данное явление имеет прямую связь с общепринятым мнением о том, что приписывание мужчинам женских качеств – унижение, а приписывание женщинам – мужских – обычно похвала. Данный факт говорит о том, что выбор мужского или женского термина является в английской фразеологии культурно обусловленным. ФЕ **to be tied to woman's apron strings** при использовании компонентного анализа выявили следующие лексемы в структуре:

to be tied to woman's apron strings – to be emotionally dependent on *a woman*, often used in reference to boys and young men → (LID) → emotional;

emotional – *expressive in mind like love or hate in woman's heart, markedly aroused in feeling* sensitive → (NODE) → sensitive;

sensitive – *receiving impressions quickly, easily hurt* → (TEWD), что свойственно в речевом поведении женщин, так как они более эмоциональны, экспрессивны в высказываниях и разговоре вообще и что не свойственно мужчинам, характеризующее отрицательную оценку, потому что, как говорят, на сленге мужик-подкаблучник, нерешителен во всех отношениях. Идиомы обозначающие как действие, так состояние могут могут характеризовать и мужского, и женского референта, т.е. являются *интергендерными*, исключение составляет только идиома **be tied to your mother's apron strings**, гендерная референция которой определяется в большей степени как маскулинная, например: "He is 30 but he is still tied to his mother's apron strings" [Cambridge International Dictionary of Idioms].

Идиома **a hen-pecked husband** несет в себе отрицательную коннотацию как показывает компонентный анализ данной ФЕ:

a hen-pecked husband – *a man who is domineered over by his nagging wife* → (BDCPF) → nagging wife;

nagging wife - *keep on hurting, schrewish, complaining, grumbling, pester a person by keeping on criticizing* → (CCA EI) → schrewish;

schrewish – *bad-tempered, aggressive, vindictive* → (CCA EI) → aggressive;

aggressive – *marked by obtrusive energy* → (TEWD) → obtrusive;

obtrusive – *forward in manner or conduct* → (TEWD) → forward;

forward – *strongly*, inclined or ready → (ССАЕИ), что несет в себе качества, свойственные мужчине, т.е. мужчина тиран по отношению к женщине и характеризует отрицательную оценочность.

Идиома **old enough to be someone's mother/father**, является гендерно вариативной, т.е. в зависимости от какого пола имеется в виду и зависит выбор мужского или женского ТР, например: "You can't go out with Bill. He is old enough to be your father." "He married a woman who is old enough to be his mother." Междометная ФЕ, **my giddy (sainted) aunt** может относиться как к референту-женщине, так и к референту - мужчине, например: "My aunt!" murmured Clare. "Who would read a book like that?" – Ну и ну! – пробормотала Клэр. – Кто будет читать такую книгу? [Galsworthy: p.102] – фемининная референция. "How long has this been going on?" "For some week, sir," "My sainted aunt!". – Как давно вы ухаживаете за этой девушкой? – Несколько недель, сэр. – Подумать только! [Wodehouse: p.64] – маскулинная референция.

Гендерные маркеры, относящиеся к антропонимам представляют собой открытую систему гендерных оппозиций, так как, допускает замены того или иного имени, обусловленные и оправданные коммуникативной ситуацией (Живоглядов, 1998, с.45), например: **(every) Tom, Dick and Harry** - всякий, каждый; первый встречный; обычный, заурядный человек (you may hear people change the third name in this idiom, for example to show that it includes **women: Tom, Dick and Sheila** (Longman Idioms Dictionary, 2000, p.54); а во-вторых, репертуар имен собственных может быть расширен и дополнен в связи с появлением новых выдающихся личностей в различных сферах общественной жизни: **to do a Thatcher** - to stay in power as prime minister for three consecutive terms. From the former Conservative prime minister Margaret Thatcher (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.269) (занимать пост премьер-министра три срока подряд). Одним из маркеров, указывающих на гендерную отнесенность английских ФЕ, являются имена собственные (ИС), которые составляют особую группу существительных, представляющих собой названия отдельных лиц и индивидуальных единичных предметов и явлений действительности, отличающие их от других однородных предметов и явлений (Ермолович, 1981, с.16). В ходе исследования было выявлено 355 ФЕ содержащих в своей структуре 275 мужских ИС и 75 женских ИС. ФЕ с антропометрическими лексемами являются одной из наиболее представленных групп в нашем исследовательском материале, так как у них есть способность обладать явными или скрытыми аллюзивными свойствами. Д.И.Ермолович считает, что если условно представить себе некоторый путь, которое имя собственное преодолевает в направлении превращения в имя нарицательное,

то ближе всего к первичному значению ИС оказываются в **сравнениях**: He had a super-brilliant brain and he was funny like Lenny Bruce. – У него был блестящий ум, сам он был забавен, как Ленни Брюс; I can read the stock-market pages better than Bernard Baruch. – Биржевые сводки в газете я читаю получше Бернарда Баруха! (Ермолович, 2001, с.45).

Фактический материал для исследования ФЕ с ономастическим компонентом позволяет разделить все идиомы на четыре группы по характеру и первичной сфере употребления антропонима: I. ФЕ с именами и фамилиями, которые не относятся к конкретному денотату; II. ФЕ с именами и фамилиями, прототипами которых является конкретное, реально существовавшие (существующие) личности; III. ФЕ с именами и фамилиями мифологических героев и библейских персонажей; IV. ФЕ с именами и фамилиями литературных героев (Зыкова, 2002, с.24-25).

Гендерный фактор по-разному проявляется и может иметь свою специфику реализации в семантике индетерминированных детерминированных ФЕ, т.е. идиомы, в состав которых ИС (имена собственные) генетически восходит к определенному (утраченному или существующему денотату, Г.П. Манушина называет детерминированными (**a gay Lotario** - "донжуан", "ловелас"). ФЕ, обнаруживающие отсутствие первичного денотата, являются индетерминированными, например оборот, не имеющий конкретного прототипа ИС: **tin Lizzie** – «легковой автомобиль» (Манушина, 1992, с.41-45).

Гендерный фактор по-разному проявляется и может иметь свою специфику реализации в семантике индетерминированных и детерминированных ФЕ. Исследование гендерной референции позволяет выделить следующие группы:

1) ФЕ, относящиеся к референту-мужчине: **a Beau Brummel** - «красавчик Браммел», щеголь, франт, денди [Дж. Б. Браммел (G.B. Brummel, 1778-1840) – знаменитый денди своего времени] (1. esp. US an admirer; a boyfriend; 2. a fop; a dandy); (The Concise Oxford Dictionary of Current English, 1995, p.14); (II группа); **son of Adam** – сын Адама, мужчина (III группа) (a male descendant) (The New Oxford Dictionary of English, 1998, p.49); **Colonel Blimp** - «полковник Блимп» (олицетворение косности, твердолобости, консерватизма) (IV группа) (Br. *old-fashioned* an old man who has old-fashioned ideas and believes he is very important) (Brewer's Dictionary of 20th – Century Phrase and Fable, 1993, p.48); **Sam Brown(e)** – воен. прост. офицерская портупея (an army officer's belt and the strap supporting it named after Sir Samuel J. Brown, British military commander) (The Concise Oxford Dictionary of Current English, 1995, p.458); **Teddy bear** – плюшевый мишка, медвежонок (детская игрушка) (a soft toy bear; pet form of the name Theodore, with reference to Theodore

Roosevelt, US president, famous as a bear hunter) (The Concise Oxford Dictionary of Current English, 1995, p.526); **Gog and Magog** – Гог и Магог, две статуи в Лондонской ратуше (по одной из легенд два оставленных в живых потомка гигантов были привезены в цепях в Лондон и поставлены на страже у королевского дворца) (two giant statues standing in Guildhall, London, representing either the last two survivors of a race of giants) (The New Oxford Dictionary of English, 1998, p.157); **Draconian (Draconic) laws** – (very harsh laws. Draco was one of the nine chief magistrates in Athens who issued extremely severe laws and punishments) (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.57); **the Procrustean bed** – прокрустово ложе, мерка, под которую насильственно подгоняют что-либо, для нее не подходящее (seeking to enforce uniformity by forceful and ruthless methods; the name of legendary robber who fitted victims to a bed by stretching them or cutting off parts of them) (The Concise Oxford Dictionary of Current English, 1995, p.562); **by George!** – клянусь святым Георгием!, ей-богу!, боже мой!, видит бог!, честное слово!, вот те на! (восклицание, выражающее восхищение, удивление, досаду и т.п. [первоначально by Saint George!; святой Георгий считается покровителем Англии]); **a proper(right) Charlie** – (Br slang a fool) (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.275); **render into Caesar the things that are Caesar's** – книжн. кесарю кесарево, т.е. каждому воздайте должное (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.758);

2) ФЕ, относящиеся к референту-женщине: **a plain Jane** - непривлекательная женщина или девушка (a woman or girl who is not attractive) (Cambridge International Dictionary of Idioms, 1999, p.14); **the daughter of Eve (Eve's daughter)** - дочь Евы, женщина, представительница прекрасного пола (III группа) (a female descendant) (The Concise Oxford Dictionary of Current English, 1995, p.786); **Aunt Tabby or Aunt Thomasina** - амер. жарг. «тетушка Тэбби или Томазина» (прозвище консервативно настроенной женщины, противницы женского равноправия) (a derogatory expression for a woman who does not agree with the philosophy of Women's Liberty and does not support its aims) (Brewer's Dictionary of 20th – Century Phrase and Fable, 1993, p.16); **a Lazy Susan** – амер. вращающееся блюдо с отделениями разных кушаний и приправ, менажница (revolving stand or tray on a table, used especially for holding condiments) (The New Oxford Dictionary of English, 1998, p.15); **Lares and Penates** – домашний очаг, родные пенаты (gods of the household worshipped in ancient Rome) (The New Oxford Dictionary of English, 1998, p.471); **a bloody Marry** – an alcoholic drink consisting of tomato juice, vodka, Worcestershire sauce (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.17);

3) ФЕ, относящиеся как к референту-мужчине, так и к референту-женщине: **Peck's Bad**

Boy – амер. человек, ставящий других в неловкое положение своей простодушной бестактностью (II группа) (Брусникина, 1999, с.101); **a Job's comforter** - неодобр. горе-утешитель (III группа) (BrE old-fashioned someone who tries to make you feel more cheerful, but actually make you feel worse) (Longman Idioms Dictionary, 2000, p.17); **a Paul Pry** - человек, сующий нос в чужие дела (IV группа) (someone who is always interfering in other people's affairs, an objectionable busybody), (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.14); **the life of Riley** – (the good life; comfortable life. ‘The life of Riley’ is an easy-going life because does not have to work or is not working. Someone who is poor can lead *the life of Riley* if he does not mind being poor (A Concise Collection of American English Idioms for Everyday Use, 1996, p.212), **the Goldilocks way** – чья-либо попытка уладить дела (one's attempt to get things just right. From the children's story ‘Goldilocks and the Three bears’, in which Goldilocks tries out the food, chairs and beds of the three bears, and finds them too hot, too cold, too soft, until eventually she discovers the ones that are ‘just right’ for her) (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.274); **Janus-like** – to be two faced, hypocritical. Janus was a Roman god of communication and guardian of the gate of heaven; **(as) rich as Croesus** - (very rich) (Longman Idioms Dictionary, 2000, p.15); **like Alice in Wonderland/Alice like** – illogical, incomprehensible, impractical (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.216); **on one's jack (Jack Jones)** – жарг. один, в одиночку, в одиночестве (on one's own). (The New Oxford Dictionary of English, 1998, p.678); **Alladin's lamp** – a talisman enabling its holder to gratify any wish (The Concise Oxford Dictionary of Current English, 1995, p.19); **as pleased as Punch** – очень доволен, от души рад (absolutely delighted, usually with oneself over some achievement) (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.15). Определение гендерной референции в некоторых ФЕ, представляет определенную сложность, поскольку в данном случае речь идет в основном об имплицитной гендерной референции, т.е. когда указание на гендерную отнесенность единицы не содержится в дефиниции, но может быть установлено на основании выводного знания. Основным фактором, способствующим сохранению и поддержанию гендера в семантике ФЕ является внутренняя форма фразеологизма, создающая определенный ассоциативный фон. Иначе говоря, при декодировании гендерной информации ФЕ, обозначающих материальные предметы, необходимы три составляющие: знание о прототипе ФЕ, о характере переосмысления и о формирующихся на их основе определенных ассоциациях, например: референция ФЕ **Sam Brown(e)** определяется как **маскулинная** на основе следующих данных: 1) прототип: лицо мужского рода – вооруженных силами Британии; 2) метонимическое переосмысление; 3) ассоциации связаны исключительно с мужчинами: офицерская

португепя – атрибут мужчин. Данный вид гендерной референции может быть определен как полный, т.е. отнесение идиомы к сфере "маскулинного" полностью исключает ее отнесение к сфере "фемининного". Примерами полной гендерной референции могут служить следующие идиомы: **Teddy bear, Gog and Magog**, так как данные ФЕ имеют **маскулинную** референцию, поскольку, возникшие на основе метафорического и метонимического переосмысления ассоциации связаны исключительно с мужчинами: игрушка медвежонок мужского пола; статуи изображающие гигантов-мужчин. В качестве примера гендерной референции ФЕ с женскими именами можно привести идиому **a Lazy Susan** фемининная референция, так как данный предмет был номинирован с помощью женского имени на основе метафорического переосмысления, основанного на ассоциации с женщиной, подающей еду. Таким образом, пол прототипа говорит о возможной исходной гендерной референции идиомы, которая в процессе переосмысления нивелируется, но процесс нивелирования гендерного фактора полностью не лишает идиому возможности быть гендерно детерминированным знаком, поскольку ассоциации, в ходе процесса переосмысления могут соотноситься с лицом либо мужского, либо женского пола, например: **Draconian (Draconic) laws** – маскулинная референция. Здесь ведущую роль в гендерной отнесенности играет пол прототипа, который дополняется в последующем рассмотрении ее семантики ассоциациями, которые вызывает в сознании носителя языка слово суровые, и связанные с этим словом дополнительные коннотации: суровый, жесткий, сильный, обладающий властью т.е. мужчина. Еще одним примером может послужить идиома **the Procrustean bed**, которая также имеет **маскулинную** референцию. В ассоциациях, которые вызывает данная личность определенную роль играет и фактор пола, что дает возможность обобщения: насилие, жестокость, беспощадность, которые в большей степени характерны для мужчины. Иногда ассоциативный фон может "перекрывать" исходную гендерную референцию и "переключать" ее на противоположную, например в идиоме **Lares and Penates** – **фемининная** референция, так как дом, домашний уют в сознании носителя языка чаще всего ассоциируется с женщиной. Отдельную группу составляют ФЕ, обозначающие как конкретные, материальные предметы, так и абстрактные понятия, в которых роль определяющего фактора гендерной референции играет характеризующая функция фразеологизма, т.е. характеризует ли ФЕ предмет или относиться к сфере человека. Если идиома относиться к сфере человека, то ее гендерная референция определяется как одновременно мужская и женская или интергендерная, например: **the life of Riley**, данная идиома относиться к области человеческого образа жизни, который могут вести как

мужчины, так и женщины. Данный вывод подтверждается контекстом: 1) "When **Henry** retires, he plans to live the life of Riley. He won't have to work and he will be able to putter around the garden every day". 2) " **Mrs. Hartley** used to live the life of Riley until her husband died and she had to take on two jobs to support herself and her children" [A Concise Collection of American English Idioms for Everyday Use]. В качестве примера интергендерной референции ФЕ с женскими именами можно рассмотреть идиому **The Goldilocks way** данная идиома относится к сфере человека, характеризует определенные действия, которые могут относиться как к мужчине, так и женщине. Данный вывод подтверждается следующим контекстом: "The general was determined to stick to his 'Goldilocks' war plans – he would fight the enemy in a way that was not too hard and not too soft" [The Penguin Dictionary of English Idioms]. Адъективные фразеологизмы с ИС могут обозначить признаки и свойства как людей, так и предметов и относиться как к референту-мужчине, так и референту-женщине, например: **Janus-like, (as) rich as Croesus, like Alice in Wonderland/Alice like**. Однако, несмотря на то, что такие идиомы с ИС имеют интергендерную референцию, следует отметить, что в ряде случаев данная референция будет ассиметричной, т.е. ФЕ в большей степени будет относиться, например к мужчине, а не к женщине, либо наоборот. Подобная ассиметрия, скорее всего, обусловлена гендерными стереотипами, под которыми, по определению А.В.Кирилиной, понимаются "культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражении в языке" (Кирилина, 2003, с.78). Примерами такой ассиметричной интергендерной референции могут служить следующие идиомы: **(as) game as Ned Kelly** – австрал. разг. смелый до безрассудства (Эдуард Келли – знаменитый австралийский разбойник, отличавшийся необыкновенной храбростью) (Брусникина, 1999, с.16); **(as) patient as Job** – терпеливый как Иов; обладающий ангельским терпением (unlimited patience the willingness to endure hardship patiently) (A Concise Collection of American English Idioms for Everyday Use, 1996, p.14). Безусловно, смелыми и терпеливыми могут быть все люди независимо от пола. Но, тем не менее, смелость это в большей степени атрибут мужчины, то, что воспитывается в нем с самого детства, в то время как терпение и смирение всегда рассматривается как основная женская добродетель. Исследование оценочного макрокомпонента семантики ФЕ представляет определенный интерес с позиции гендерных исследований, так как здесь проявляется гендерных стереотипов во фразеологии английского языка. Отрицательная оценочность встречается как в детерминированных, так и индетерминированных ФЕ, например: **like Alice in Wonderland/Alice like, a proper(right) Charlie; нейтральная**

оценка: **a bloody Marry, render into Caesar the things that are Caesar's**; положительная оценка: **Alladin's lamp, as pleased as Punch**. Адвербиальные идиомы служат в первую очередь в качестве интенсификаторов прилагательных и глаголов, они могут лишь охарактеризовать, усилить или ослабить то или иное действие, состояние, качество, признак человека. Следовательно, междометные, как и адвербиальные идиомы, могут иметь косвенную (ситуативную) гендерную референцию, которая определяется тем, чьи чувства (мужчины или женщины) выражает данная междометная единица в конкретной речевой ситуации, например идиома **by George!** - клянусь святым Георгием!, ей-богу!, боже мой!, видит бог!, честное слово!, вот те на! (восклицание, выражающее восхищение, удивление, досаду и т.п.: 1) I did not get to bed till three and I do not know how I got there then. By George, I was squiffy. – Спать я лег в часа три – не знаю даже, как добрался до постели. Видит бог, я здорово нализался; [Maugham: p.46]; 2) By George, how wonderful! What a girl! – Честное слово, она восхитительна! Какая девушка! [Dreiser: p.205] В этих двух предложениях междометная ФЕ служит для выражения эмоций мужчин, следовательно, ее косвенная (ситуативная) гендерная референция определяется в данном случае как **маскулинная**. Следует отметить, что в основе трех групп гендерных маркеров лежит четкое дихотомическое деление, т.е. разделение лексем всех трех групп на пары соподчиненных элементов с определенной гендерной характеристикой, а именно – противопоставлением мужского и женского рода.

В отдельную группу гендерных маркеров плана выражения идиом можно выделить **агентивные существительные**. Агентивные существительные обозначают названия профессий и должностей, воинских званий, занятий носящих регулярный характер, например: **doctor, priest, philosopher, nurse, maid**. В данную группу гендерных маркеров также входят некоторые существительные, обозначающие категорию "деятеля" с актуальным, результативным значением и значением состояния, объединенные на основе семантического признака "непрофессиональная деятельность", например **burglar, objector, mourner, gossiper, strategist**, например: **cat burglar** – ночной вор взломщик (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.42); **a hot gossiper** – красноречивый бродячий проповедник (Брусникина, 1999, с.14); **a maid of all work** – человек, выполняющий самые различные работы (Маккей, 1995, 17); **chief mourner** – самый близкий родственник или друг умершего, присутствующий на похоронах (букв. плакальщик) (Маккей, 1995, с.36). Агентивные существительные образуют открытую систему гендерных маркеров. Принадлежность таких лексем к маскулинному или к фемининному аспекту культуры обусловлена исторической традицией и отличается

довольно неустойчивым характером. В ходе исторического развития агентивные лексемы способны допускать изменения в своем гендерном статусе, потому что они в большей степени подвержены процессу гендерной генерализации, т.е. обладают возможностью расширять сферу своей отнесенности, распространяя ее на лица обоих полов (Зыкова, 2002, с.55). Гендерными маркерами плана содержания ФЕ, номинирующих людей, их различные состояния, действия, признаки, качества. С точки зрения гендерной лингвистики рассмотрение степени закрепленности (флективности) гендерного фактора в языковой категории, представленной агентивными существительными (АС), связано с особенностями практической деятельности человека. Разделение труда традиционно рассматривается как форма сегрегации согласно представлениям о «мужской работе» и «женской работе» на основании гендерных различий, которые, хотя, и создаются, как полагают, социально, являются результатом «естественных качеств» и способностей полов (Гендерный фактор в языке и коммуникации, 1999, с.52). Конституентом ассоциативной структуры агентивных лексем, обозначающих как профессиональную, так и непрофессиональную деятельность, является также и гендерный компонент. И здесь необходимо отметить, что функционирование гендерного компонента в семантике АС зависит от сигнификативного аспекта значения (обозначающий профессиональный вид деятельности, то на восприятие номинирующего мужскую или женскую деятельность, большое влияние оказывает положение дел на рынке труда, для таких АС характерна гендерная асимметрия, а если ассоциативный признак имен деятеля является денотативный аспект значения, в котором гендерный компонент определяется семой 'person', обозначающим непрофессиональный вид деятельности, то можно говорить об устойчивом интергендерном статусе таких лексем. Исследование гендерной референции идиом с АЛ позволяет распределить их по следующим группам:

1) **группа идиом**, относящихся к референту-мужчине, например: **The Abbot of Unreason** – шутл. уст. «аббат-гуляка» (шутл. прозвище главы рождественских увеселений) (Брусникина, 1999, с.254); **God's advocate** – церк. «адвокат бога» (лицо, которому поручено при католической канонизации выступать с доводами за канонизацию усопшего) (Маккей, 1995, с.56); **lake poets** – поэты «озерной школы» (Вордсворт, Кольридж, Соути) (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.526); **the three musketeers** – три мушкетера, неразлучная верная тройца, неразлучные друзья (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.745); **devil's advocate** – «адвокат дьявола» лицо, которому поручено при католической канонизации поддерживать сомнения в действительности чудес (Маккей, 1995, с.52); **Fleet parson** –

уст. священник, который за мзду венчает кого угодно (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.63); **bad actor (actress)** – амер. жарг. 1) подлый человек, кляузный тип; 2) темная личность, закоренелый преступник (Маккей, 1995, с.24); **Regious Professor** – профессор, кафедра которого учреждена одним из английских королей (основанный Генрихом VIII в Оксфорде или Кембридже) (Маккей, 1995, с.126); **Pope's eye** – жирная часть бараньей ноги; **an old soldier** – жарг. пустая бутылка (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.658); **be captain of one's soul** – ни от кого не зависеть, свободно распоряжаться своей судьбой, быть хозяином своей судьбы (Брусникина, 1999, с.23); **swear like a trooper** – разг. ругаться на чем свет стоит, ругаться как извозчик (Брусникина, 1999, с.296); **(as) fat as alderman** - «толстый как олдермен», тучный, полный (Брусникина, 1999, с.15); **a busman's holiday** – праздничный или свободный день, проведенный за обычной работой (выражение связано с тем, что водителям автобусов приходилось в праздничные дни обучать новичков) (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.17); **a white slaver** – «торговец живым товаром (о том, кто поставляет женщин в дома терпимости)» (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, с.18); **a fisher of men** - «проповедник» (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.16); **walking delegate** - (разъездной) представитель профессионального союза (Брусникина, 1999, с.291);

2) группа идиом, относящихся к референту-женщине, например: **a wet nurse** – (chiefly historical a woman employed to suckle another woman's child) (The New Oxford Dictionary of English, 1998, p.17); **a dry nurse** – (archaic a woman who looks after a baby but does not breastfeed it) (The New Oxford Dictionary of English, 1998, p.15); **maid of all work** – a female domestic servant (The New Oxford Dictionary of English, 1998, p.758);

3) группа идиом, относящихся как к референтам мужского, так и женского пола, например: **a cub reporter** – амер. начинающий репортер (a young inexperienced newspaper reporter) (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.15); **a Philadelphia lawyer** – амер. находчивый, хитроумный юрист (Буковская и др., 1993, с.18); **a nation of shopkeepers** - «нация лавочников» (прозвище англичан) (Брусникина, 1999, с.14); **a good sailor** – человек, не подверженный морской болезни (a person who is rarely becomes sick at sea in rough weather) (The New Oxford Dictionary of English, 1998, p.14); **cold warrior** – сторонник холодной войны (a politician who actively promoted or supported the Cold War) (Brewer's Dictionary of 20th – Century Phrase and Fable, 1993, p.56); **an armchair strategist** – кабинетный стратег (one who plans a military operation from the security of his or her own home without having to fight) (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.15);

butchers bill – жарг. список погибших на войне (Брусникина, 1999, с.23); **go to nurse** – перейти в руки доверенного лица, опекуна (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.49); **(as) grave as a judge** - «важный как судья», с важным, серьезным видом (Маккей, 1995, с.17); **you are the doctor** – разг. вы специалист – вам и решать, вам виднее (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.896); **a white slaver, a led captain** – нахлебник, подхалим, подпевала (Брусникина, 1999, с.17).

Рассмотрение специфики отнесения идиом первой группы к референту-мужчине показало, что гендерная референция в данном случае определяется такими основными критериями как: а) ФЕ является прозвищем исторического лица, деятеля, либо обозначает конкретных библейских или литературных персонажей, например: **the Great Commoner, lake poets, the three musketeers**; б) ФЕ обозначает церковный сан или относиться к религиозным понятиям: **devil's advocate, Fleet parson**; в) наличие в английском языке парных соответствий наименований по профессии ограничивает возможность отнесения идиомы к лицу противоположного пола **bad actor (actress)**; г) гендерная референция обусловлена традициями англоговорящего общества, например: **Regious Professor**. Особого внимания заслуживают ФЕ, имеющие интергендерный характер, т.е. здесь выделяются полностью интергендерные идиомы такие как: **a cub reporter, a Philadelphia lawyer, a nation of shopkeepers, a good sailor**, относящиеся к мужчине или женщине в равной степени, а также гендерно ассиметричные идиомы **cold warrior, an armchair strategist**, вероятность употребления которых к референту-мужчине гораздо больше вероятности их употребления к референту-женщине. Идиома **maid of all work** в процессе фразеологизации маркер гендера до определенной степени нейтрализуется, что дает возможность употреблять данную идиому и по отношению к мужчине, например: ...Mac's own description of his function was of "maid of all work". - ...по словам Мака, он был чем-то вроде «прислуги за все» [Manchester: p.56]. Такие идиомы как **be captain of one's soul, swear like a trooper, (as) fat as alderman** чаще употребляются по отношению к референту-мужчине, например: Roland... was the jolly, buccaneering captain of his own soul. [Macaulay: p.105]; а идиома **(as) grave as a judge** может употребляться как по отношению к мужчине, так и к женщине в зависимости от коммуникативной ситуации: 1) Mesty sat on the chest between them, looking as grave as a judge.– Мести с важным видом восседал между ними на ящике [Marryat: p.45]; 2) 'You're drunk, Hans,' said Willi. 'I am as sober as a judge.' - Ты пьян, Ханс, - сказал Вилли. – Трезвее трезвого [Maugham: с.42]. Следует отметить, что рассмотрение оценочного фактора в ФЕ с АС дает возможность определить

положительную оценку: **you are the doctor, a busman's holiday**; отрицательную: **a white slaver, a led captain** и нейтральную: **a fisher of men, walking delegate**.

Таким образом, как показало исследование, природа гендерного маркера структуры ФЕ играет существенную роль в процессе становления семантики фразеологизма, что и обуславливает характер гендерной референции идиомы, т.е. если в структуре ФЕ маркером гендера является лексема с указанием на представителя мужского пола, то она определяется как маскулидная, и наоборот, если лексема указывает на женщину, то идиома будет иметь фемининную референцию. Также если в структуре идиомы содержится лексема женского и мужского пола, то они несут интергендерный характер. Существуют еще и случаи когда лексема обозначает принадлежность к женскому полу, но употребляется по отношению к референту-мужчине, при этом характеризуя отрицательную оценочность по отношению к мужчине, и наоборот. Таким образом, различные подходы к отбору фразеологического материала для рассмотрения специфики и реализация гендерного фактора раскрывают особенности взаимодействия и корреляция между гендерными маркерами плана содержания и выражения, а также гендерной референции фразеологизмов. Таким образом, можно сделать вывод, что при использовании компонентного анализа можно выделить гендерные маркеры в ФЕ, которые при помощи изучения и анализа дефиниций слова придают какую-либо оценочность по отношению к референту-мужчине или референту-женщине. Также этот метод помогает выделить и определить важные структурные сегменты ФЕ, которые гендерно маркированы и могут выражаться как имплицитно, так и эксплицитно. Гендерная референция глагольных, адъективных, адвербиальных и междометных ФЕ определяется как интергендерная, поскольку они могут характеризовать и относиться к человеку любого пола. Гендерная референция адвербиальных междометных идиом является косвенной, так как определяется только в конкретном речевом контексте.

2.1.2. Паремии и изречения как гендерно маркированные стилистические единицы

Особое место среди языковых единиц, выступающих в роли носителей национально-культурной информации и национально-культурного сознания, занимают пословицы и поговорки. Эти паремиологические единицы являются огромным языковым богатством народа, созданное на протяжении многих веков. В них заключена оценка жизни, наблюдения народного ума. На наш взгляд, культурная самобытность языкового

сообщества наиболее ярко проявляется при изучении паремиологического фонда языка. Паремии, как часть языковой системы, выступают в качестве хранилища культурных традиций народного менталитета, в них наиболее ярко подмечены и отражены моменты жизнедеятельности представителей определенного языкового социума. Паремиологически отраженное знание, представленное в отдельных языковых системах, опирается на повседневный опыт людей как членов конкретных этнокультурных общностей. В последние десятилетия возрос интерес к изучению языка как антропоориентированного феномена. Данный подход предполагает учет всех характеристик языковой личности, в том числе и гендера (Никольская, 2002, с.12). Языковой материал для изучения гендерных различий составляют паремиологические единицы английского языка, извлеченные методом сплошной выборки из фразеологических словарей: А.В.Кунин "Англо-русский фразеологический словарь. Около 20,000 фразеологических единиц", М.В.Буковская, С.И.Вяльцева "Словарь употребительных английских пословиц", А.Маккей "Словарь американских идиом", Т.Л.Брусникина, Л.Ф.Шитова "Краткий русско-английский фразеологический словарь (2000 единиц)" и другие. Опираясь на классификацию фразеологических единиц, разработанную А.В.Куниным, который рассматривал пословицы и поговорки как часть фразеологического фонда, выделяя их в отдельную группу коммуникативных фразеологизмов, мы отдельно рассматриваем и анализируем группу гендерно маркированных пословиц и поговорок. (Кунин, 1996, с.205-207) Была предпринята попытка семантической классификации материала на основе содержащихся гендерных маркеров, выражаемого значения с позитивной, негативной или нейтральной оценкой лиц женского и мужского пола.

Классификация паремий как гендерно маркированных единиц состоит из следующих классов анализа гендерного компонента плана выражения: 1) употребление имен собственных, 2) употребление родственных связей, 3) употребление антропометрических единиц и 4) употребление агентивных существительных. При анализе паремий содержащих имена собственные было обнаружено, что большая часть исследованных нами пословиц и поговорок является гендерно "нейтральной", т.е. они могут быть отнесены как к референту-мужчине, например: **Jack is as good as his master** – работник не хуже хозяина (there is no difference between the boss and a worker. We are all equal and we should all have equal rights (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.157), так и к референту-женщине, например: **Queen Ann is dead!** – разг.- открыл Америку! (said in replay to news that is no longer new (Early American Proverbs and Proverbial

Phrases, 1997, p.458). Отличительные черты коммуникативных ФЕ, которые имеют **маскулинную** гендерную референцию: **he is real Casanova!** - he is irresistible to women. Casanova (1725-98) was an Italian adventurer who had a reputation for being one of the world's greatest lovers (Early American Proverbs and Proverbial Phrases, 1997, с.218); **a good Jack makes a good Jill** – "если Джек хорош, то и Джил будет хороша" (ср. у хорошего мужа и жена хороша) (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.125); **every Jack has his Jill (Gill)** – "для всякого Джека найдется своя Джил или у каждого голубка своя горлица (every man can find the right woman if he looks for her) (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.95); **all shall be well/Jack shall have Jill** - "все будет хорошо, и Джил достанется Джеку" (Маккей, Словарь американских идиом, 1995, с.52); **all work and no play makes Jack a dull boy** – нескончаемая работа без отдыха и развлечения делает Джека скучным малым, - прежде, чем успеешь сказать «Джек Робинсон» (Буковская, Словарь употребительных английских пословиц, 1993, с.47); **"Hamlet without the Prince of Denmark** – "Гамлет" без принца Датского (Маккей, Словарь американских идиом, 1995, с.63).

В первой ФЕ обнаруживается осуждение мужской безнравственности, сексуальной распущенности. Три другие ФЕ основаны на оппозиции "мужское-женское". Где правый член данной оппозиции представляет активное начало, а левый - пассивное. Во второй пословице декларируется не только право мужчины главенствовать, но и его ответственность за его спутницу жизни, поскольку от того, насколько достойно будет жить мужчина и как он будет заботиться о своей женщине, зависит ее жизнь и судьба. В третьей и четвертой пословицах раскрывается стереотип наличия именно у мужчины права выбирать себе женщину, женщина выступает главным образом в качестве объекта мужского выбора. **Степень родства** включает в себя коммуникативные фразеологические единицы (КФЕ) представленные пословицами и поговорками. По характеру (типу) гендерной референции все пословицы и поговорки распределяются следующим образом:

1) группа КФЕ, относящихся к референту-мужчине – 10 идиом, например: **mother's darlings make but milksop heroes** - из маменькиных сынков героев не выйдет (Буковская и др., 1993, с.45); **there is no good wife in the country, and every man thinks he has her** - каждый муж думает, что лучше его жены нет (Буковская и др., 1993, с.102); **many a good father has but a bad son** – у многих хороших отцов плохие сыновья (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998,с.59). В данной группе внимание уделяется разным сторонам жизни мужчины, среди которых наиболее важным являются две мужские роли: мужчина-отец и мужчина – муж. Особо акцентируется зависимость

детей и жены от отца и мужа, подчеркивается ответственность мужчины перед детьми и женой, именно он в ответе за их благополучие, благосостояние и т.д., например: **a good husband makes a good wife** - у хорошего мужа и жена хороша" (Маккей, Словарь американских идиом, 1995, с.103). Следует отметить, что для данной группы характерно включение в состав ФЕ одновременно двух гендерно детерминированных лексем: в сочетании могут выступать либо мужской и женский термины: *husband-wife*, *man-mother*, либо два мужских термина, таких, как *father-son*. Раскрытие взаимоотношений между отцом и сыном, отмечаются тесной и близкой связью, а именно отцовское участие в воспитании сына во многом определяет то, каким не только человеком, а, прежде всего, мужчиной он вырастет, например: **like father, like son** - "каков отец, таков и сын" или яблочко от яблони недалеко падает (Буковская и др., 1993, с.83); **the sins of the fathers are visited on the sons** - грехи отцов преследуют их сыновей (later generations suffer the consequences of their ancestors' vices (Early American Proverbs and Proverbial Phrases, 1997, p.456); **he is his father's son** - он характером весь в отца (he resembles his father in character) (The Penguin Dictionary of English Idioms, 2001, p.124);

2) группа КФЕ, характеризующая референта-женщину - 3 идиомы, пример: **like mother, like daughter** - "какая мать, такая и дочь" (Буковская и др., 1993, с.85); **who is 'she' the cat's mother** - especially, used in order to tell someone not to use 'she' about someone who is there, because it is considered rude (Longman Idioms Dictionary, 2001, p.393); **all are good lasses, but whence come the bad wives?** – все девушки хороши, но откуда (отколь) же берутся плохие (злые) жены (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.52). Из малочисленности данной группы, женская картина мира здесь практически не представлена;

3) группа КФЕ, имеющая отношение к абстрактным понятиям – 7 идиом. Гендерная референция здесь является условной. В данную группу входят такие ФЕ, как: **diligence is the mother of good luck (success)** - терпение и труд все перетрут (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.85); **idleness is the mother of all evil (sin,vice)** - праздность-мать всех пороков (Маккей, 1995, с.63); **love is the mother of love** - любовь порождает ответную любовь (Буковская и др., 1993, с.87); **experience is the mother of wisdom** – жизненный опыт мать мудрости, т.е. основа мудрости в жизненном опыте/в бедах человек умудряется (Фразеологический словарь русского языка, 1978, с.225); **if my aunt had been a man, she'd have been my uncle** – если бы моя тетка была мужчиной, она была бы моим дядей/кабы бабушка не бабушка, так была бы она дедушкой (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.91); **want is the mother of**

industry – «нужда-мать усердия» (ср. голь на выдумки хитра) (Буковская и др., 1993, с.143); **the wish is father to the thought** – «желание – отец мысли»; = чего хочется, тому верить (Буковская и др., 1993, с.147);

Исследование гендерной референции паремических выражений с антропометрическими компонентами позволяет распределить их по трем подгруппам:

1) пословицы и поговорки, относящиеся к референту-мужчине – 6 единиц, например: **boys will be boys**-used in order to say that it is natural for boys (men) to be noisy and untidy, or behave badly and do things that are not sensible (Longman Idioms Dictionary, 2000, p.36); **you will be a man before your mother** – разг. шутл. ничего, скоро подрастешь (говорится подростку) (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.785); **way to a man's heart is through his stomach** – путь к сердцу мужчины лежит через его желудок (Буковская и др., 1993, с.143); **faint heart never won fair lady** – “робкому сердцу не завоевать прекрасной дамы” (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.45); **put not your trust in princes** – men of power and influence can be just as fickle and unreliable as the rest of us (Early American Proverbs and Proverbial Phrases, 1997, p.423); **as drunk as a lord** – пьян, как лорд, пьян в стельку (Маккей, 1995, с.25);

2) пословицы и поговорки, относящиеся к референту-женщине – 3 единицы, например: **hell has no fury like a woman scorned** – “фурия в аду ничто в сравнении с брошенной женщиной” (выражение создано английским драматургом У. Конгривом (W.Congreve, (1670-1729)) (something that you say which means a woman will make someone suffer if they treat her badly (Cambridge International Dictionary of Idioms, 1999, p. 124); **there is a woman in it** – здесь замешана женщина; **a woman's work is never done** – работе по дому конца нет (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998,с.18); **ladies who lunch** - wealthy women who do not have to work and have much time on their hands for socializing, gossiping and dining in exclusive restaurants (Dictionary of Proverbs, 1995, p.132);

3) пословицы и поговорки, в которых актуализируются формулы народных наблюдений и размышлений, народной мудрости, совета без учета понятий “маскулинности” и “фемининности” - 10 единиц, например: **the opera is not over till the fat lady sings** - there is still time for things to change (Dictionary of Proverbs, 1995, p.196); **adversity (misery or poverty makes strange bedfellows** - в нужде с кем не поведешься [в Англии в средние века, а также в XVI и XVII вв. Отдельные кровати были редкостью. Лица одного пола часто спали вместе еще и в середине XVII в.] (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.19); **new lords, new laws** - новые хозяева, новые законы

(Буковская и др., 1993, с.19); **a cat may look at a king** - spoken by an inferior 'I have as much right to look at you as you have to look at me. We are both equal.' [The Penguin Dictionary of English Idioms]; **kings go mad, and the people suffer for it** - "короли сходят с ума, а народ расплачивается" (Маккей, 1995, с.128); **a man is as old as he feels, and a woman as old as she looks** – возраст мужчины определяется тем, как он себя чувствует, а женщины - как она выглядит (Буковская и др., 1993, с.17); **it is not the gay coat that makes the gentleman** – не одежда красит человека; **the tailor makes the man** – одежда красит человека (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.458).

Коммуникативные ФЕ, соотносимые по гендерной референции с первой или со второй подгруппой, носят ярко выраженный гендерный характер, и поскольку по объему передаваемой в них социокультурной информации с пословицами и поговорками не может сравниться ни один структурно-функциональный класс идиом, то можно утверждать, что паремии наиболее полно отражают особенности восприятия и познания основных гендерных категорий, выявляют как их традиционные, так и новые свойства, связи и отношения, раскрывают историю, обычаи и новые тенденции к переосмыслению основных функций, роли и места мужчин и женщин в англоязычном обществе. Коммуникативные идиомы третьей группы носят интергендерный характер, их роль в большей степени определяется хранением и передачей информации, относящейся к общечеловеческим ценностям. Следует также отметить, что процесс нивелирования гендерного компонента в семантике коммуникативных фразеологизмов с выходом на интергендерную референцию паремий проходит в большинстве случаев за счет снятия гендерной характеристики *мужской* антропологической лексемы, например: **stone-dead has no fellow** - мертвые не говорят, мертвые хранят тайну (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.525). Были также зарегистрированы пословицы и поговорки с коммуникативно обусловленными вариантами антропометрических лексем и паремий, в которых "нейтрализуется" гендерная характеристика *женской* антропологической лексемы, например: **if you want... smb. is your (the) man/woman** - (spoken) used in order to say that a particular man/woman is the best person to help someone or do a particular job (Longman Idioms Dictionary, 2000, с.86); **what will Mrs. Grundy say?** - разг. что скажут люди? (Буковская и др., 1993, с.149)

Анализ гендерной референции коммуникативных ФЕ с агентивными существительными как пословиц и поговорок, показал, что 29 паремий являются гендерно нейтральными и могут употребляться как по отношению к женщине, так и по отношению к мужчине. Факторами, способствующими и обеспечивающими процесс нивелирования

гендерного компонента в прагматическом аспекте идиом, являются: 1) интергендерный характер агентивной лексемы, ср.: doctor, author, apothecary, teacher, poacher, piper, servant, cobbler, shearer, workman и т.д. например: **an old poacher makes the best keeper** – «нет лучше лесника, чем бывший браконьер» (Буковская и др., 1999, с.14), **after death the doctor** – как мертвому припарки (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.19), **choose the author as you choose a friend** – выбирай книгу так, как выбираешь друга (Маккей, 1995, с.39), **piper and call the tune** – платить волынщику и заказывать песни (Буковская и др., 1993, с.139), **the cobbler must (should) stick to his last/let the cobbler stick to his last/let not the cobbler go beyond his last** – всяк сверчок знай свой шесток; суди, дружок, не выше сапога (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.754), **fire and water are good servants, but bad masters** – «огонь и вода верные слуги (человека), но воли им давать нельзя» (Буковская и др., 1993, с.43); **bad shearer never had a good sickle** – у плохого косаря всегда серп виноват; 2) ”растворение” гендерного компонента в процессе фразеологизации, например, у таких агентивных существительных, как: priest, friar, monk, valet, например: **the friar preached against stealing and had a goose (pudding in his sleeve** - монах проповедует не красть, а у самого гусь (или пудинг) в рукаве (Буковская и др., 1993, с.16); **the cowl does not make the monk** – не всяк монах на ком каблук (Маккей, 1995, с.146), **no man is the hero to his valet** – невозможно сохранить ореол героя в глазах своего лакея, нет порока в своем отечестве (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.356). Рассмотрение второго фактора заслуживает особого внимания, так как процесс “нейтрализации” гендерной отнесенности ФЕ с такими именами деятеля происходит не полностью, в связи с чем, степень генерализации отнесенности коммуникативных ФЕ с АС может варьировать. Мы имеем дело с максимальной степенью “нейтрализации” гендерного компонента при высоком уровне обобщения и абстракции ситуации, являющейся мотивирующей базой ФЕ. В данном случае ассоциативный фон образной гештальтструктуры идиомы в большой степени формируется на основе понятий, имеющих отношение к специфике работы того или иного деятеля, результатам, процессу, особенностям, атрибутам чьей-либо деятельности, и в меньшей степени затрагивает гендерный статус агентивной лексемы, например: **creditors have better memories than debtors** - «у займодавцев память лучше, чем у должников» (Буковская и др., 1993, с.45); **every man is the architect of his own fortune** – всякий человек своего счастья кузнец (Буковская и др., 1993, с.154). Данное явление дает возможность употреблять идиому с АС, относящихся к референту-мужчине, по отношению к референту-женщине, например:

Nev.Miss, will you be so kind as to fill me a dish of tea? Miss. Pray, let your betters be served before you; I am just going to fill one for myself; and you know, the Parson always christens his own child first. Невероят. Не будете ли Вы любезны налить мне чаю? Мисс. Сперва надо налить чаю людям, которые лучше Вас. Я собираюсь налить чаю себе. Священник, знаете ли, собственного ребенка крестит первым [Swift: p.102].

Минимальная степень “нейтрализации” гендерного компонента наблюдается в случае употребления интергендерной КФЕ с АС, обозначающими референта-мужчину, по отношению к лицу мужского пола (ср.: **like priest, like people** - каков поп, таков и приход) (Кунин, Большой англо-русский фразеологический словарь, 1998, с.452). Данное явление говорит о низком уровне обобщения и абстракции референциальной потенции ФЕ, об учете семантики переменного прототипа фразеологизма, в котором гендерный статус имени деятеля является релевантной характеристикой. Следует отметить, что употребление идиомы со статусом интергендерных единиц по отношению к референтам-мужчинам или к референту-женщине коммуникативно обусловлено, и происходит в соответствии с коммуникативными целями конкретной ситуации. Среди гендерно маркированных пословиц и поговорок была также выявлена идиома, которая может употребляться только по отношению к лицу мужского пола. Гендерная характеристика данной ФЕ определяется не агентивной лексемой, а местоимением ‘he’, выполняющим функцию субъекта в данной поговорке: **he is no conjurer** - разг. ирон. = он пороха не выдумает, он звезд с неба не хватает: *By the account I have heard of him, he is no conjurer.* Судя по тому, что я о нем слышал, он звезд с неба не хватает (Буковская и др., 1993, с.87).

Гендерные асимметрии прослеживаются во всех выделенных группах, выражаясь либо в количественном, либо в качественном аспектах. Например, идиомы со словом "man" (77) количественно преобладают над идиомами со словом "woman" (всего 2), причем 39 идиом со словом "man" могут относиться к лицам обоих полов; в подгруппе выражений с терминами родства (57) количественно преобладают идиомы с "мужскими" словами (father, son, brother, uncle) (32), а также количество негативно окрашенных идиом с "женскими" словами больше аналогичных выражений, относящихся к мужчинам.

В группе пословиц и поговорок также наблюдаются гендерные асимметрии:

Среди пословиц и поговорок со словом "man" (102) большинство (90) могут относиться как к лицам мужского, так и женского пола (например: *A man can die but once* – "Человек может умереть лишь один раз", *A man can do no more than he can* – Выше себя не прыгнешь). Лишь 12 относятся к мужчинам как представителям своего пола (например: *Once a man and twice a child* – Мужчиной человек бывает один раз, а ребенком – два).

Проведена семантическая классификация извлеченного материала на группы паремий с различными гендерными маркерами и различной оценкой лиц мужского и женского пола.

Таким образом, паремии (пословицы и поговорки) рассматриваются как класс коммуникативных фразеологизмов в которых преобладает интергендерная референция, а также отнесенность данных единиц к мужскому или женскому полу. Интергендерная референция, проявляющаяся и употребляемая к лицам как мужского, так и женского пола или к понятиям маскулинности или фемининности, достигаемая за счет процесса нивелирования (нейтрализации/снятия) исходной гендерной референции пословицы или поговорки, как правило, устанавливаемой или восстанавливаемой на основе исследования внутренней формы паремий. Также немаловажным моментом является пословицы и поговорки английского языка, обладающие определенной динамикой развития, а потому фактически основанного на взаимодействии понятий «фемининности» и «маскулинности» что свидетельствует о наличии гендерной асимметрии на референциальном уровне.

Сегодня к наиболее актуальным вопросам относят изучение конструирования гендера языковыми средствами в различных видах дискурса. Причем наименее исследованным вопросом является изучение дискурсивного фактора «гендер» на выбор языковых средств в процессе коммуникации.

В нашем исследовании корреляции между гендерной идентичностью и использованием языка мы опираемся на трактовку гендера как социокультурной репрезентации пола, так как функционирование языка и речевую деятельность человека вообще невозможно представить без породивших ее общественно-культурных условий.

Высказывание рассматривается как основная единица общения, которая, вслед за Л.П. Чахоян, понимается нами как коммуникативно-семантическая единица, в основе которой лежит способность человека аранжировать базовый семантический материал в соответствии с его коммуникативной интенцией, то есть в соответствии с речевой и речемыслительной установкой, возникающей в данной ситуации общения. Данное определение наиболее точно характеризует высказывание как единицу речи и отвечает современным тенденциям рассмотрения языка с позиции антропоцентрического подхода (Чахоян, 1998, с.95-97).

Определяется понятие гендерно-ориентированных высказываний, под которыми понимаются высказывания мужчин о мужчинах и женщинах и высказывания женщин о мужчинах и женщинах. Иными словами, это высказывания мужчин и женщин о представителях своей гендерной идентичности, а также о представителях противоположной гендерной идентичности.

Рассматривается категория характеристики, поскольку, все гендерно-ориентированные высказывания являются характеризующими: в них говорящий характеризует представителей своей или противоположной гендерной идентичности. Определяется понятие гендерно-ориентированных суждений (ГОС), под которыми понимаются общие суждения и которые могут быть представлены как в эксплицитных, так и в имплицитных гендерно-ориентированных высказываниях.

ГОС представляют собой лексико-синтаксические структуры, обязательными компонентами которых является субъект, представленный существительными «мужчина» (*man*) или «женщина» (*woman*) во множественном числе, а также предикат, представленный глаголом-связкой *to be* и именной частью, выраженной словесными знаками характеризующего класса.

Рассматривается взаимодействие оценочного, эмотивного и экспрессивного компонентов в характеризующих высказываниях, так как взаимодействие людей невозможно без оценочного компонента, выступающего одним из основных конstituентов характеризующих гендерно-ориентированных высказываний (Гакова, 2005, с.125).

Рассматриваются эксплицитные гендерно-ориентированные высказывания, порожденные персонажами – мужчинами и женщинами. Диагностическими признаками для их выделения считается функционирование существительных *woman/women* и *man/men* в качестве объекта характеристики и сводимость их содержания к общему суждению. Дополнительными признаками служат различные показатели всеобщности, а также, во многих случаях, эмотивные и экспрессивные компоненты. В главе исследуются языковые способы выражения экспликаций в подобных высказываниях, и выводятся из них ГОС. Например, эксплицитное гендерно-ориентированное высказывание, произнесенное персонажем-женщиной: “*Show me a man who's not up for an illicit fling and I'll show you a chocolate cake with no calories*” [О'Henry: p.45], позволяет сформулировать ГОС: [→ *men are cheaters*].

Выяснилось, что в гендерно-ориентированных высказываниях, направленных на представителей противоположной гендерной идентичности, характеристика всегда реализуется как оценка. Этот вывод подкрепляется большим количеством интенсификаторов и других языковых способов усиления экспрессивности и эмотивности высказываний, которые свидетельствуют о сдвиге от дескриптивного к оценочному смыслу. Например, в гендерно-ориентированном высказывании женского персонажа: “*We are not saying that **all** men cheat. But **all** men **do** think about it*” [Hill: p. 45]. Наличие

показателя всеобщности, выраженного местоимением *all*, подчеркивает экспрессивность высказывания, эмфатическая конструкция с глаголом *do* также усиливает «эмотивную» сторону оценки.

При характеристике представителей противоположной гендерной идентичности, персонажи-женщины эксплицитно дают им негативную оценку: “*All men are untrustworthy*” [Fielding: p.26]. Было обнаружено, что в эксплицитных высказываниях женских персонажей английской лингвокультуры, при характеристике представительниц своей гендерной идентичности, напротив, реализуется положительная оценка: “*Anyone with an ounce of sense knows we're the superior race*” [Wilde: p.78]. Выяснилось, что женские персонажи английской лингвокультуры характеризуют в основном именно современных женщин, противопоставляя их женщинам предыдущих поколений. Подобная оппозиция выражается лексически (различные обстоятельства времени): “*The majority of western women are now financially and emotionally independent*” [Maugham: p.203] и грамматически (временная форма *Present Perfect*, грамматическая конструкция *used to*): “*One doesn't need a man. Whole thing used to be that men and women got together because women could not survive without them but now – hah! Have own flat (even if hole-filled), friends, income, and job...*” [Marryat: p.47].

Персонажи-мужчины, характеризуя представительниц противоположной гендерной идентичности эксплицитно, дают им положительную оценку: “*Women nowadays are always in great shape*” [Maugham: p.95]. В эксплицитных высказываниях мужских персонажей, при характеристике представителей своей гендерной идентичности, также реализуется положительная оценочность: “*Real men don't get afraid*” [O'Connor: p.55].

В эксплицитных высказываниях как мужских, так и женских персонажей, направленных одновременно на представителей своей и противоположной гендерной идентичности, присутствует сравнительная оценочность, причем представители своей гендерной идентичности характеризуются с положительной оценочностью, а противоположной – с негативной. Например, гендерно-ориентированное высказывание персонажа-женщины: “*I think women understand women better than men*” [Hill: p.205]; гендерно-ориентированное высказывание персонажа-мужчины: “*Men get more attractive when they get older and women get less attractive*”) [Irving: p.58].

Женские персонажи в рассмотренном корпусе примеров не затрагивают тему внешности представителей противоположной гендерной идентичности, то есть мужчин. Однако мужские персонажи английской лингвокультуры касаются данной темы.

Женские персонажи касаются темы взаимоотношений с родителями и темы родительских качеств женщины. Подобные темы не были зафиксированы в высказываниях мужских персонажей в рассмотренном корпусе примеров. Совокупность эксплицитных гендерно-ориентированных высказываний позволяет судить о стереотипах, зафиксированных женским мировидением в рамках английской лингвокультуры.

Определение понятия гендерно-специфичных стереотипов, под которыми понимаются стереотипы, разделяемые представителями конкретной гендерной идентичности в пределах рассматриваемой лингвокультуры. На основе совпадения гендерно-специфичных стереотипов в гендерно-ориентированных высказываниях, произнесенных как мужскими, так и женскими персонажами, были сформулированы общекультурные стереотипы, зафиксированные женским мировидением. Например, и мужские, и женские персонажи английской лингвокультуры сходятся в вопросе о том, что современные женщины разительно отличаются от женщин предыдущих поколений. Так, гендерно-ориентированное высказывание: *“Women’s lives have changed, and we’re all more independent now, with careers...”* [Gardner: p.36] произносится персонажем-женщиной. Высказывание же: *“Nowadays the women do be the bosses everywhere”* [Hill: p.56], произносится персонажем-мужчиной. На основании совпадения гендерно-специфичных стереотипов, мы делаем вывод о существовании в женском мировидении общекультурного стереотипа о том, что современные женщины обладают значительной степенью власти и влияния.

Еще одной гранью вопроса, которая освещается в данной главе, явилось значение гендерной принадлежности персонажа для формирования синтаксической структуры гендерно-ориентированных высказываний и способов их языковой подачи. Было установлено, что для речи персонажей женщин характерна сложноподчиненная структура предложений, а для речи мужских персонажей более характерными оказались простые предложения. На основании данных результатов было показано, что точка зрения О. Есперсена о том, что для женской речи характерен паратаксис, а для мужской – гипотаксис, не распространяется на гендерно-ориентированные высказывания (Есперсен, 1958, с.220). Также тот факт, что гендерно-ориентированные высказывания в речи женщин более линейно-распространены, дает основание заключить, что область гендерно-ориентированных высказываний подтверждает мнение Д. Таннен, Дж. Холмс и многих других исследователей о том, что повышенная речевая активность характерна для женщин именно в ситуации личного общения (Таннен, 2002, с.105).

Были установлены характерные языковые приемы ввода эксплицитной информации в гендерно-ориентированные высказывания.

Имплицитные гендерно-ориентированные высказывания в английской лингвокультуре осуществляется двойной логической операцией: сначала смысл высказывания эксплицируется, а затем приводится к ГОС. Интересно, что эксплицитно и имплицитно выражаемые стереотипы, по нашим данным, совпадают лишь частично.

Было обнаружено, что, при характеристике представителей противоположной гендерной идентичности, персонажи-женщины имплицитно (как и эксплицитно) дают им негативную оценку: *“You are like all men, you think it’s okay for a man to give his wife a little tap”* [Brain: p.112]. В имплицитных высказываниях женских персонажей английской лингвокультуры (в отличие от эксплицитных), при характеристике представительниц своей гендерной идентичности, реализуется негативная оценка: *“How come my mom can slip easily from one relationship to another and I can’t get the simplest thing off the ground. Maybe their generation is just better at getting on with relationships? Maybe they don’t mooch about being all paranoid and diffident?”* [Brontë: p.25].

Персонажи-мужчины, характеризуя представительниц противоположной гендерной идентичности имплицитно, дают им негативную оценку (в отличие от эксплицитных гендерно-ориентированных высказываний): *“She, like every other woman, is incapable of running her life without male guidance”* [Marlowe: c.102]. В высказываниях мужских персонажей, при характеристике представителей своей гендерной идентичности, в импликациях (как и в экспликациях) реализуется положительная оценочность: *“It’s not very manly, is it, getting scared at night”* [www. quotations. com].

В имплицитных высказываниях как мужских, так и женских персонажей, направленных одновременно на представителей своей и противоположной гендерной идентичности, присутствует сравнительная оценочность, причем представители своей гендерной идентичности характеризуются с положительной оценочностью, а противоположной – с негативной. Например, гендерно-ориентированное высказывание персонажа-женщины: *“But you don’t go round wearing your commitment problem on your sleeve like every bloody man over the age of twenty does these days”*; [Marlowe: p.41] гендерно-ориентированное высказывание персонажа-мужчины: *“It was so much easier to be idiotic and flirtatious and coy and have no brain when you were supposed to be a woman”* [Gardner: p.23]. Та же картина наблюдается и в эксплицитных высказываниях.

При анализе эксплицитных гендерно-ориентированных высказываний женских персонажей английской лингвокультуры, направленных одновременно на представителей

своей и противоположной гендерной идентичности, было зафиксировано отсутствие интенсификаторов, свидетельствующих об экспрессивности рассматриваемых высказываний. Однако при анализе имплицитных высказываний женских персонажей английской лингвокультуры, направленных одновременно на представителей своей и противоположной гендерной идентичности, наблюдается обратная картина. Таким образом, можно заключить, что обсуждаемые темы в имплицитных высказываниях волнуют персонажей-женщин английской лингвокультуры больше, чем темы, обсуждаемые ими в эксплицитных высказываниях.

Выяснилось, что импликация в гендерно-ориентированных высказываниях в основном вводится с помощью сопоставительной конструкции (*like...*), риторического вопроса с *how many*: “*You know, he put up those shelves in my room the other day without even asking! How many men would do that?*” [www. quotations. com] и часто присутствует в придаточных предложениях полипредикативных единиц: “*It’s time that man, as a species, grew up*” [O’Connor: с.64].

На основании выявленных гендерно-специфичных и общекультурных стереотипов, зафиксированных женским мировидением в рамках английской лингвокультуры, было установлено, что в репрезентации образа женственности в текстах художественной литературы наблюдается динамика изменения представлений о женщинах от патриархальных к эгалитарным.

В репрезентации образа женственности в текстах художественной литературы английской лингвокультуры наблюдается тенденция андрогинии – проявления у женщин «мужских» черт характера. Образ женщины в большинстве гендерно-ориентированных высказываний несет в себе положительную оценку и ассоциируется с независимостью и самостоятельностью, что свидетельствует об изменении гендерных ролей женщин.

В репрезентации же образа мужественности подобной динамики не было зафиксировано в рассмотренном корпусе примеров. Мужской образ в большинстве гендерно-ориентированных высказываний ассоциируется с такими архетипическими характеристиками как склонность преследовать «дичь», бороться за свою «добычу», испытывать азарт от «погони»: “*They [men – A.V.] want you to be unavailable so they can pursue you...*” [Galsworthy: p.105] преодоления препятствий и преград, как полигамность, агрессивность и т.д.

Было также установлено, что экспрессивность речи, при характеристике представителей противоположной гендерной идентичности, как в эксплицитных, так и в имплицитных высказываниях, свойственна и женщинам, и мужчинам. Таким образом, на

материале гендерно-ориентированных высказываний оспаривается точка зрения О. Есперсена, Р. Лакофф и многих других исследователей гендера о том, что экспрессивность речи гораздо выше в женской речи, чем в мужской.

Процентное соотношение гендерно-ориентированных высказываний в речи мужских и женских персонажей показало, что женские персонажи высказываются о женщинах почти столь же часто, как и о мужчинах (45% / 50%). Дистрибуция же высказываний мужских персонажей о женщинах и мужчинах значительно отличается (65% и 34%). Следовательно, тема представителей собственной гендерной идентичности волнует персонажей-женщин значительно больше, чем персонажей мужчин. Также процентное соотношение гендерно-ориентированных высказываний о представителях своей и противоположной гендерной идентичности у женских персонажей английской лингвокультуры выше. Таким образом, можно заключить, что тема сравнения мужчин и женщин привлекает внимание женских персонажей английской лингвокультуры сильнее, чем мужских персонажей.

2.2.1. Эвфемизмы как гендерно маркированные стилистические единицы

Анализ литературных источников по проблемам эвфемизации выявил разнообразие толкований термина «эвфемизм» в связи с возможностью изучения эвфемизации в рамках широкого и узкого подходов. В рамках узкого (лингвостилистического) подхода анализ эвфемистического способа номинации осуществляется в лексикоцентрическом и текстоцентрическом словарных пространственных измерениях. Лексикоцентрическое (языковое) измерение связано с традиционным подходом к эвфемизмам как членам «лексико-фразеологического сообщества»; в свете текстоцентрического измерения эвфемизмы рассматриваются как производные речевой деятельности, как функционирующие в речи любые единицы языка.

Выделяются условия употребления языковой единицы в функции эвфемистической замены, определяющие следующие факторы: 1) фактор *контекста*: один и тот же эвфемизм в разных условиях контекста не в одинаковой мере реализует свой эвфемистический потенциал; 2) фактор *непринужденности / детерминированности* общения: вероятность появления эвфемизмов выше, если говорящие общаются как параметризованные, а не как глобальные личности; 3) *стилевой* фактор: существует стилистическая закрепленность эвфемизма за определенным стилем речи; 4) *социальный* фактор: большинство эвфемизмов социально детерминированы; 5) фактор *социальной относительности* эвфемизма: эвфемистическая значимость языковой единицы имеет

относительный характер (в некоторых случаях стилистически сниженные наименования могут выступать в качестве эвфемизмов); 5) фактор *речевой культуры*: носители «элитарного» типа речевой культуры более склонны использовать эвфемизмы в своей речи в отличие от носителей более низких типов речевых культур; 6) *временной* фактор: функционирование языковой единицы как эвфемизма определяется временными рамками, в результате частого употребления происходит контаминация эвфемизмов, утрачивается мелиоративная функция.

В качестве основы для классификации эвфемистической лексики с позиции ее образования нами были рассмотрены классификации А.М. Кацева, О.Ф. Ивановой, С. Видлак, В. Warren, J. Neaman, С. Silver, J. M. Williams. Большинство вышеупомянутых исследователей выделяют такие средства эвфемизации, как заимствование, метафорический перенос, метонимия, расширение семантического значения. Помимо этого, отмечается участие различных способов словообразования (образование сложных слов, деривация, аббревиация и др.), фонетического изменения, частичной и полной антонимии, аллюзии, эпонимии и персонификации (Кирилина, 1999, с.44-47). Разнообразие различных способов пополнения эвфемистического тезауруса характеризует эвфемизм как гибкий, легко адаптирующийся механизм, способный реализоваться в любом контексте и языковом окружении.

Принимая во внимание тот факт, что эвфемизмы - это выражения, разрешенные нормами речевого поведения и употребляемые вместо запрещенных, табуированных номинаций, многие лингвисты полагают, что в случае с эвфемией действует один из основных принципов прагматики — принцип *вежливости* (Виноградов, 1990, с.104-105). В теории межкультурной коммуникации принцип *вежливости* рассматривается как соблюдение коммуникативного контракта и заключается в следовании действительному для данной ситуации комплекту взаимных прав и обязанностей коммуникантов.

Учитывая особенности выражения и интенции коммуникантов, П. Браун и С. Левинсон выделяют *положительную* вежливость (связанную с языковым выражением солидарности, включением собеседника и других лиц в одну группу с говорящим) и *отрицательную* (зависимую от иерархических отношений в обществе и социальной дистанции, связанную с самоограничениями говорящих, стремлением избежать конфликтов) (Браун, 2003, с.27). А.П. Володин и В.С. Храковский идентифицируют отрицательную вежливость как речевой этикет (Володин, 2005, с.33-35).

Прагматический принцип вежливости стимулирует образование определенных групп эвфемизмов, в одних случаях являясь ведущим фактором, в других выступая как

сопутствующий. Помимо принципа вежливости, как отмечают В.И. Заботкина, Ю.В. Горшунов, при образовании и использовании эвфемизмов действуют принципы регулятивности, конспиративности, табуирования, этичности, стигматичности, языковой игры, иронии и экономии (Заботкина, 2001, с.63-65).

Современная гендерная теория, не пытаясь оспорить существование тех или иных биологических, социальных, психологических различий между женщинами и мужчинами, утверждает, что сам по себе факт различий не так важен, как важна их социокультурная оценка и интерпретация, а также построение властной системы на основе этих различий.

Проблема соотношения мужской и женской речи с позиции вежливости, их сходства и различия остаются в фокусе исследований лингвистов. Обзор работ М.Н. Goodwin, J. Holmes, D. James, X. Коттхофф, посвященных речевому поведению мужчин и женщин, выявляют тот факт, что использование более вежливых и престижных форм не коррелирует ни с биологическим, ни с социальным полом говорящего. Некоторые исследования А.К. Clifton, P. Brown, O. Jespersen, Д. Таннен, Т.В. Бендас говорят об обратном: женщины используют крайности положительной и отрицательной вежливости, уклоняются от непристойных выражений и имеют склонность к использованию завуалированных и уклончивых фраз (Таннен, 2002, с.36-38). Экспериментальные данные М.Н. Goodwin, X. Коттхофф также свидетельствуют о традиционно более вежливом речевом поведении в присутствии женщин, проявляющемся в использовании вежливых форм (в частности, эвфемизмов). В этой связи, в нашем исследовании представляется целесообразным введение понятия «гендерная вежливость» как составляющей интегрального понятия «вежливость». Гендерная вежливость определяется и рассматривается нами как стратегия речевого поведения, направленная на уважительное, не дискриминационное отношение и выражающаяся в вежливых языковых формах, подчеркивающих терпимость и уважение к представителям любого пола (женского в нашем исследовании), с одной стороны, и смягчающих, вуалирующих какие-либо негативные характеристики, с другой.

Эвфемизация в свете гендерной вежливости и политической корректности освещает проблему гендерной нейтрализации как проявления гендерной вежливости в современном английском языке. Элиминация гендера рассматривается в тесной связи с явлением политкорректности, разрабатываются критерии дифференциации политкорректных эвфемизмов, описываются политкорректные гендерно-вежливые эвфемизмы с точки зрения их образования и прагматики.

Развитие гендерологии стимулировало критический анализ языка с позиций представленности в нем как мужчин, так и женщин, позволило выявить наличие «антиженской», гендерной асимметрии в системе английского языка и настаивать на необходимости ее преодоления. В настоящее время снижение гендерной асимметрии в языке осуществляется по линии политкорректности (в ее гендерной части) посредством эвфемизмов, созданных по прагматическому принципу вежливости и устраняющих половую дискриминацию. Политкорректность, как отмечает С.Г. Тер-Минасова, это культурно-поведенческая и языковая тенденция, которая выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п. (Тер-Минасова, 2001, с.125).

Анализируя взаимосвязь эвфемии и политкорректности, мы полагаем, что эвфемия - явление культурное (так как язык – часть культуры), идиоэтническое (то есть специфичное для каждой отдельной культуры) и в то же время универсальное (имеющее черты, присущие всем языкам, культурам). В отличие от эвфемии, политкорректность в большей степени социокультурный феномен, в основе распространения которого лежат социальные факторы, характерные для конца XX в. Эвфемизмы выступают в качестве одного из средств реализации политкорректности на лексическом уровне, входят в ее вербальную составляющую.

Анализируя реализацию гендерной вежливости в рамках явления политкорректности, мы выявили, что речь идет, прежде всего, о гендерной нейтрализации. Помимо эвфемизации, преодоление гендерной дискриминации в рамках политкорректности осуществляется на синтаксическом уровне: предлагаются разнообразные способы избежать употребления местоимений мужского рода, не изменяя при этом общего смысла высказывания вплоть до нарушения грамматического правила согласования в числе, путем употребления местоимений множественного числа *they, their* (антецедентом которого является местоимение единственного числа):

In light of the tragedy, a local radio station aired an announcement featuring highway patrolman Craig Peyer and warning *anyone* to stay in *their* vehicles [Irving: p.85].

Anybody out there who can raise *their* right hand and say *they*'ve never speculated about who really killed Jon Benet Ramsey [Brain: p.96] ?

В качестве критерия при выделении политкорректного эвфемизма мы определяем наличие в денотате отрицательной оценки или сопряженность с какими-либо

отрицательными эмоциями. Указанный критерий позволяет отнести политкорректные термины, элиминирующие гендерный аспект, к эвфемизмам, так как, не имея отрицательного денотата, они сопряжены с такими негативными эмоциями как чувство ущемленности, второсортности (в нашем случае, в связи с указанием в них зависимости, второстепенности женского пола).

Что касается проблемы участия различных способов эвфемизации, отметим, что в данном случае они весьма ограничены. Есть основания считать, что для политкорректных гендерно-нейтральных эвфемизмов является продуктивным использование сложных слов, словосочетаний и лексических единиц, широкая семантическая структура которых позволяет использовать их в качестве эвфемизмов. Анализируя такого рода эвфемизмы, мы обнаруживаем, что многие из них имеют отвлеченный, неопределенный характер: *server* (вм. *waiter*); *convenor*, *mediator*, *coordinator* (вм. *chairman*); *public health inspector* (вм. *garbage man*); *customer service attendant* (вм. *a hotel clerk*) и т.д.:

Armed with plates of poulin and hotdogs, server Carmen Lacienco responds to a middle-of-the-night rush [Collins: p.105].

While British Foreign Secretary Margaret Beckett on Saturday went so far as to say she “regretted” the situation, a Foreign Office *spokesperson* insisted it was “not at all” an apology [Marryat: p.87-88].

Firefighters put out the fires, including one in a duplex on d’Outremont Ave. near Ogilvy Ave., about 10 p.m. [Maugham: p.150-151].

Рассматривая политкорректные гендерно-нейтральные термины, мы выявили тот факт, что основным объектом эвфемизации в рамках политкорректности является профессиональная сфера. Стремление избежать дискриминации по половому признаку толкает на изменения в профессиональной терминологии и создание словаря рекомендуемых для употребления нейтральных, вежливых и несексистских названий профессий. Таким образом, посредством гендерно-вежливых, нейтральных эвфемизмов реформируется языковая традиция, ранее ставившая женщину в подчиненное положение.

Помимо того, что гендерно-нейтральные эвфемизмы, обозначающие названия лиц по профессии, элиминируют пол и повышают статус женщины, они способствуют повышению профессионального статуса любого человека вне зависимости от ее/его пола в силу отсутствия индикатора пола. Таким образом, происходит «двойное» облагораживание подразумеваемого понятия, наблюдается взаимодействие прагматических принципов вежливости и регулятивности.

Вслед за Г.Н. Мухамедьяновой, мы полагаем, что эвфемизмы, возникшие в рамках идеологии политической корректности, были созданы в соответствии с принципами положительной вежливости. Но, учитывая тот факт, что многие политкорректные эвфемизмы превращаются в своеобразные этикетные формулы, игнорирование которых в современном англоязычном социуме равносильно грубости, полагаем, что именно в области соблюдения языковой политкорректности позитивный и негативный виды вежливости *пересекаются* (Мухамедьянова, 2005, с.78-82). Анализ данных эвфемизмов в свете теории Браун/Левинсона позволяет утверждать, что их использование в настоящее время является проявлением отрицательной вежливости, так как при этом демонстрируется знание этикетных, актуальных на данном этапе, правил. Эвфемизмы, возникшие в рамках идеологии политкорректности, позволяют не нарушать когнитивную территорию собеседника, но при этом они не обязательно являются искренними проявлениями симпатии и интереса (Браун, 2003, с.58-63).

Гендерно-вежливые политкорректные эвфемизмы являются яркой демонстрацией изменчивости категории вежливости. Многие гендерно-нейтральные эвфемизмы перечеркивают правила вежливости, существовавшие ранее (до середины XX в.): прежде речевые формулы, вежливые по отношению к женщине, подчеркивали ее слабость, зависимость, фемининные черты, в настоящее время политкорректные гендерно-вежливые эвфемизмы подчеркивают «женскую мужественность», профессиональное и физическое равенство.

Гендерный аспект эвфемизации в английской языковой традиции посвящен анализу традиционно «женских» эвфемизмов, тем, как правило, насыщенных эвфемизмами, исследованию способов образования и функциональных особенностей данных эвфемизмов при реализации принципа гендерной вежливости в английском языке. Подобные эвфемизмы позволяют судить, прежде всего, о стереотипах и нормах поведения, существующих в англоязычном сообществе, а точнее, о негативных сторонах «женского» образа, которые осуждаются, которых стыдятся, избегают упоминания и вследствие этого эвфемизируют.

Критерием отбора являлся гендерный признак, отбирались те эвфемизмы, которые служат преимущественно для описания женщин. Эвфемистические единицы, которые могут употребляться в отношении референтов как мужского, так и женского пола, цитируются в том случае, если иллюстративный материал (дефиниции, пометы в словарях, многочисленные примеры в англоязычных источниках) позволяет сделать вывод, что данные лексические единицы употребляются достаточно часто в отношении

лиц женского пола. Опираясь на словари эвфемизмов и учитывая фактор социальной относительности эвфемизации, мы также выделяли вульгаризмы и медицинские термины в связи с возможностью их использования в качестве эвфемизмов.

В результате проведенного нами классифицирования традиционных гендерно-вежливых эвфемизмов получено пять тематических полей, в каждом из которых представлено несколько подтем:

1. оценочные природно-физические и психологические характеристики (17,6%):

- привлекательность для противоположного пола (12,5%)
- недостатки, душевные качества (2,3%)
- состояние в браке, непривлекательность (2,1%)
- возраст (0,7%)

2. недостатки внешности (7,4%):

- избыточный\недостаточный вес (5,2%)
- недостатки фигуры и кожи (2,2%)

3. индустрия красоты (8%):

- косметические процедуры и одежда (4,2%)
- похудение (1,6%)
- вмешательство пластической хирургии (2,2%)

4. физиология (35,2%):

- физиологические процессы и состояния (17%)
- части тела (17,4%)
- уборная (0,8%)

5. профессии (30,5%):

- социально приемлемые профессии (включая политкорректные - 6%)
- проституция (24,5%).

Эвфемистический статус некоторых лексических единиц, цитируемых в словарях, в частности, эвфемизмов для понятия «женщина» (the weaker half, gentle sex, fair sex), представляется сомнительным, так как данные единицы, несомненно, являются проявлением гендерной вежливости, но не имеют отрицательного денотата.

Эвфемизмы, выражающие оценочные *природно-физические и психологические* характеристики включают лексические единицы, вербализующие отношение общества к поведению, внешним данным, возрасту, семейному положению представительниц женского пола, в частности, некоторые характеристики далеко не комплиментарного характера. Количество эвфемизмов, формирующих данную группу, составляет 17,6% от

общего числа исследуемой лексики. Наиболее эвфемизируемыми являются такие качества, как «доступность», «легкое поведение». Такие общеизвестные эвфемизмы как *no better than she should be* и *not all she should be* позволяют туманно выказать негативное отношение к женщине «легкого поведения». Вызывает неодобрение женщина-любовница, сожительствующая с мужчиной, но не состоящая с ним в браке, - *minor wife, dolly, chere amie, sweetheart, kept woman, secretary, niece, woman friend*; женщина, неразборчивая в связях, – *adventuress, flapper, easy, facile, freelance, liberal, kind, light, loose, no good (woman)*; женщина, «одержимая» мужчинами, - *nymphomaniac (nympho)*. Например: *I don't say she was a nymphomaniac or anything like that, but she was inclined to be rather tiresome sometimes* [Maugham: p.17].

To his way of thinking, a woman unless she was '*no good*' (and that meant *a multitude of quite definite things never mentioned* in the old home at Nelungaloo), a woman was always the victim [Cusack: p.40].

Однако вышеупомянутые качества могут расцениваться как достоинства: женщина, необыкновенно привлекательная для противоположного пола (обладающая *sex appeal*) и не отличающаяся строгостью в поведении, может быть названа *femme fatal, beddable, bedworthy, with bedroom eyes*:

The girls were dressed to kill; I remember that Sally was wearing a blue dress which exposed a great deal of a very pleasant bosom and even Anne Barbly looked *bedworthy* in white and rose chiffon [Brain: p.40].

Группа эвфемизмов, описывающих порицаемые нравственные, эмоциональные и интеллектуальные женские качества, представлена меньшим количеством лексических единиц, что объясняется общечеловеческой значимостью подобных характеристик. Среди порицаемых обществом женских качеств мы обнаруживаем стремление жить за чужой счет, высокомерие, эгоизм и отсутствие ума - женщина, которая выходит замуж по расчету, иронично называется *gold-digger*; высокомерная, манерная, богатая молодая женщины, с ограниченным кругом интересов, описывается как *kugel, princess, hincty*; женщина-эгоистка, «мнимая больная», которая преувеличивает свое состояние здоровья, утверждая, что вот-вот скончается, именуется *Camille* (аллюзия на произведение А. Дюма); привлекательная, но лишенная интеллекта особа характеризуется как *doll*.

Немногочисленность эвфемизмов, описывающих «отсутствие привлекательности» и «состояние в браке» свидетельствует о меньшей табуированности данных тем в современном обществе. Нередко подобные эвфемизмы сопряжены с иронией, как, например, выражения: *on the shelf* («залежалый товар» – о незамужней женщине имеющей

мало шансов вступить в брак), *fishing fleet* («рыболовная флотилия», то есть девушки брачного возраста, уезжавшие за рубеж в поисках мужей), *California widow* (женщина, муж которой в отъезде или «в загуле»). Болезненным, и, как следствие, эвфемизируемым является возраст женщины. Возникают такие выражения, как *blue hair, blue rinse* (намек на окрашиваемые в пепельный оттенок волосы), *po (spring) chicken* и т.п.

Эвфемизмы, вуалирующие *недостатки внешности* достаточно репрезентативны и формируют 7,4% от общего количества выделенных нами единиц, что свидетельствует о повышенном внимании женщин к своей внешности. Отметим, что проблема «избыточного веса» стимулирует появление эвфемистических единиц, формирующих доминирующую группу в данном разделе. Интересно, что стройность женщин была актуальна не всегда, напротив, еще в середине XX в. женщины не отличались худощавостью. Такие выражения как *Renoir woman, Rubensesque woman, of classic proportions, statuesque* напоминают о том времени, когда полнота являлась синонимом женской красоты:

She looked very Rubensesque with her ripe curves and huge breasts [Collins: p.306].

В этой связи становится очевидным, что при создании гендерно-вежливых эвфемизмов *фактор моды* является одним из решающих. Создание и употребление гендерно-вежливых эвфемизмов в настоящее время часто вызвано коммерческими мотивами, желанием привлечь клиента купить тот или иной товар и при этом не оскорбить. Размеры одежды для крупных дам тактично маркируются как *mature figure, Big Gal, corpulent, buxom, crummy, woman's size, queen size, full size* и т.п. Помимо фигуры эвфемизируются такие понятия как «морщины», «недостатки кожи»: в рекламе используются эвфемизмы - *imperfections, mature skin challenged by natural hormonal changes, tired lackluster skin: The foundations are transparent but contain enough pigment to camouflage imperfections, so people notice you, not your makeup, says Surratt [Hill: p.47].*

Эвфемизмы, сопряженные с «*индустрией красоты*» связаны с вышеупомянутой группой, так как именно желание хорошо выглядеть толкает женщин на процедуры, улучшающие фигуру, цвет лица и т. д. Эвфемизмы, описывающие косметические процедуры, одежду составляют 4,2%, их наличие свидетельствует о нежелании женщин «афишировать» наличие предпринимаемых усилий, уход за внешностью. Эвфемизируются: косметика (шутливо именуемая *warpaint*), различные виды окрашивания волос (*colour-tint, to colour-correct, to adapt, to mutate*), искусственная шевелюра и фигура, созданные при помощи накладок (*fall*) и подкладок (*falsies, cheaters*), женское нижнее белье (*BB, bust bodice*) и т.д.

Для некоторых женщин обретение красоты сопряжено с борьбой с лишними килограммами. В этой связи актуальными являются эвфемизмы *calorie counter* и *weight watcher*. В стремлении повернуть время вспять, некоторые прибегают к радикальным мерам - пластической хирургии. Наиболее востребованы со стороны женского пола такие операции как увеличение груди - *augmentation mammoplasty*, уменьшение груди *mastorexy*, имплантация силикона – *implantation*, «подтяжка лица» - *rhytidectomy*, *lift* и др. Терминология позволяет избежать прямого упоминания процедур, создать ауру «элитарности», облагородить, и, таким образом, выступает в роли средства эвфемии.

Группа эвфемизмов для обозначения *физиологических процессов и частей тела* включает многочисленные заменные наименования для понятий, табуизируемых в любом обществе. В основе их создания и употребления лежат строжайшие предписания морального характера, стыд. Исследования показывают, что эвфемизмы-соматизмы отличаются низкой степенью конвенциональности во многих языках: как нейтральные, так и эвфемистические обозначения часто кажутся говорящему неприличными, неудобными для употребления в речи, так как обозначают понятия принципиально невербализуемые в культурном общении, что подтверждается количественными данными (рассматриваемая группа формируется 35,2% эвфемизмов). Употребление данных эвфемистических номинаций в речи носит ограниченный характер и возможно в ситуациях допускающих сниженный стиль общения, при этом говорящие отдают предпочтение вульгаризмам, просторечной, стилистически сниженной лексике, а не нейтральным и медицинским терминам.

Укорененное в обществе представление о природной слабости и хрупкости женского пола, его утонченности накладывает отпечаток на характер эвфемизмов из области физиологии. Галантное табу проявляется при создании и употреблении эвфемистических единиц, подчеркивающих фемининность и противопоставленность мускулинности. Например, эвфемизмы *wetness*, *bedewed* предпочтительны, когда речь идет о женщине, так как: ...a lady might get '*bedewed*' but she didn't sweat [Oxford Dictionary of Euphemisms]. Как отмечают J. Neaman и C. Silver «*horses sweat, men perspire, and women glow*» (Neaman, 1995, p.117-118). Безусловному табу подвергаются такие понятия как «беременность» (*expecting*, *expectant*, *big*, *in trouble*, *lady-in-waiting*), роды (*confinement*, *accouchement*) и т.д. Данные понятия, также как и женское тело относятся к традиционной сфере табуирования в любой культуре, являются перманентно эвфемизируемыми.

Предписания морального характера не допускают прямого упоминания частей женского тела, для обозначения которых существует бесчисленное количество эвфемизмов сленгового, шуточного характера, вульгаризмов и нейтральных наименований: «грудь» обозначается как *headlights, bumpers, mae west, superdupers, thousand pities, brace and bits, bouncers, mams, molehills, coconuts, top, décolletage*; «зона ниже пояса» описывается как *secret parts, lady Jane, belle chose, the garden of Eden, halfpenny, the gate of life* и т.д.

Зачастую женский туалет (*Ladies' Room*) именуется как *Powder Room* (в силу исторической традиции), и современные женщины, посещая уборную поясняют, что им «необходимо освежиться» - *to freshen up*, попудрить носик - *to powder one's nose*. Подобные эвфемизмы гендерно-маркированы, их употребление характерно для женской речи.

Выделенные нами эвфемизмы, обозначающие «социально приемлемые профессии» включают в основном наименования профессий, связанные с явлением политкорректности. Не политкорректным, но эвфемистическим является выражение *pink-collar workers* - эвфемизм для описания женщин, выполняющих непрестижную работу. В совокупности с политкорректными эвфемистическими наименованиями группа социально-приемлемых профессий составляет 6%, что свидетельствует о наличии социально-коммуникативного табу в данной области. Эвфемизация наименований профессий осуществляется по линии престижа и гендерной нейтрализации.

Анализ женских эвфемизмов позволяет сделать вывод, что наиболее табуируемой «профессией» всегда являлась проституция (24,5%): *the oldest profession, the profession, the social evil, the street, the trade, Mrs. Warren's profession* и др. Для обозначения женщины «древнейшей профессии» существует огромное количество эвфемизмов разной стилистической окрашенности и отличающихся образностью, точный подсчет которых не представляется возможным, так как данный раздел эвфемистического словаря постоянно пополняется и варьируется, будучи маркированным по многим параметрам.

В ходе отбора материала были выявлены некоторые понятия, которые являются неактуальными в настоящее время в силу изменения моральных устоев. Например, обнаружены единичные эвфемизмы (с пометой *устаревший*) для обозначения, например, «позорной» ситуации, когда младшая сестра выходит замуж раньше старшей, - *to dance barefoot, to wear green garters*, если девушка остается незамужней - *to hang on the bough* и т.д. [www.gramota.ru]

Как показывает проведенное исследование, наиболее распространенными способами создания гендерно-вежливых эвфемизмов являются:

1 *Метафора* - один из наиболее продуктивных способов образования гендерно-вежливых эвфемизмов (33,1%). Метафорические эвфемизмы романтизируют, поэтизируют и просто смягчают значение слова оригинала, а именно такое обращение поощряется традиционными правилами вежливости, когда речь заходит о женщинах: *nightingale* (девушка легкого поведения), *ice queen* (сдержанная, «холодная» женщина), *stung by a serpent* (беременная) и т.д. При этом нужно отметить, что объективация частей тела женщины часто осуществляется посредством «гастрономической» метафоры: *grapefruits, apples, coconuts* (грудь) и др.

2. *Расширение семантического значения* (32,6%): *working girl* (девушка легкого поведения), *condition* (беременность), *ample* (полная), *kind* (женщина легкого поведения).

3. *Метонимия* (6,5%): *a big belly* (беременная), *dress for sale* (проститутка), *muslin, skirt* (привлекательная женщина).

4. *Заимствование слов* из других языков (5,4%). Такие эвфемизмы появились в английском языке в результате языковых и культурных контактов с представителями других народов. Преимущественно это французские и латинские заимствования, реже итальянские, хинди, японские и испанские: *demi-mondaine* (*фр.*), *gentoo* (*яп.*), *doxy* (девушка легкого поведения, *гол.*), *enceinte* (беременная, *фр.*), *gum-johnny* (индийская женщина-любовница, *санскр.*), *inamorata* (любовница, *итал.*), *maracas* (грудь, *исп.*).

5. *Словообразовательные изменения* (4,1%), обнаруженные нами включают:

а) *аббревиацию* следующих типов:

- *аббревиация инициального типа* (0,9%): *P.F.I.* (*Pregnant From Ireland*), *ITA* (*Irish toothache* - беременная), *SA* (*sex appeal*);

- *усечение* (1,3%): *pro, prossy, pross* (*prostitute*), *vamp* (*vampire*);

б) *словосложение*:

- *слова-слитки* (0,2%): *brasstitute* (*brass+prostitute* - девушка легкого поведения), *infanticipating* (*infant+anticipating* - беременная);

- *сложносокращенные слова* (0,4%): *eBodyWax* (*entire body wax* - удаление волос), *C-girl* (*call girl* - девушка легкого поведения), *B-girl* (*bar girl*);

- *редупликация* (0,4%): *So-so* (беременная), *ponny-ponny* (гениталии).

- *создание сложного слова* путем *объединения* в одно целое нескольких слов, часто основанное на небрежном произношении (0,7%): *you-know-what, whaddaya callit, whatsis, fie-for-shame, whoosis* (гениталии);

Кроме вышеупомянутых типов словообразовательных изменений выделяется *фонетическое изменение*, достигаемое путем сознательной замены звука в табуированном слове, например, для обозначения понятия *женский туалет* - gulls (for girls) (0,2%).

6. Образование гендерно-вежливых эвфемистических наименований осуществляется посредством таких приемов как:

- *аллюзия* (6%): Drury Lane vestal (проститутка, аллюзия на улицу Друри Лейн в Лондоне, где было много борделей), Magdalene (девушка легкого поведения, аллюзия на библейский персонаж), to partner with Revlon (красить волосы, аллюзия на фирму Ревлон, которая производит краску для волос) и др;

- *эпонимия* (0,4%): эвфемизмы banting, to bant, bantingism и banter (похудение, от имени диетолога У. Бантинга);

- *персонификация* является одним из эффективных способов вуалирования и обозначения, в основном, частей тела (1,5%): Mary Jane, Lady Jane (гениталии), Aunt (уборная) и др.

Отмечено присутствие эвфемизмов образованных при помощи *рифмованного сленга* (2%): two-by-four, forty-four, Jane Shore (вместо whore - проститутка), maе west (вместо breasts – грудь), fragrant (вместо pregnant – беременная) и т.д.

Помимо этого, встречаются случаи образования гендерно-вежливых эвфемизмов при помощи как *частичной (литоты)* так и *полной антонимии (антифраз)*. Например, иногда недостатки женщины (легкое поведение, глупость и др.) описываются при помощи литоты (0,6%): *no better than she should be, not all she should be* (безнравственная), *not the brightest* (глупая) и т.д. Полагаем, что невозможно закрепить все подобные случаи в словаре, так как данный способ часто употребляется при образовании окказиональных эвфемизмов. То же самое касается использования *противопоставления подлинного денотата и денотата заменяемого слова*: будучи одним из древнейших способов образования эвфемизмов (например, суеверных и религиозных эвфемизмов), *антифраз* используется для обозначения табуируемых понятий и в настоящее время (0,6%): например, ироничные выражения *sister-of-mercy, charity, nun, abbess* употребляются в отношении женщин «древнейшей» профессии.

Таким образом, можно констатировать, что проанализированный иллюстративный материал демонстрирует широкий диапазон средств эвфемизации, что в очередной раз подчеркивает неоднозначность и гибкость явления эвфемии. Стилистическое разнообразие выявленных нами гендерно-вежливых эвфемизмов делает возможным их выбор в соответствии с социальным статусом коммуникантов и тональностью ситуации. В

связи с этим, мы полагаем, что «женский» пласт эвфемистического словаря является проявлением вежливости в ее *позитивном* значении.

2.3. Гендерная асимметрия в художественном портрете

Гендерная асимметрия может рассматриваться в художественном тексте, как функция дающая не только ответ на вопросы, касающиеся употребления различных описаний на основе гендерно-маркированных стилистических приемов, но и гендерных стереотипов. Рассмотрение ряда работ по гендерным асимметриям дает нам возможность представить различные подходы для определения фемининности и маскулинности при описании женских и мужских портретов на основе художественного текста. Художественная литература во все времена стремилась ответить на основные вопросы человеческого бытия. Не проходит она и мимо меняющихся гендерных отношений в современном обществе. Гендерный подход в науке основан на идее о том, что важны не биологические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое этим различиям придает общество. Основой гендерных исследований стало выявление разницы в статусах, ролях и иных аспектах жизни мужчин и женщин и, главное, анализ феноменов власти и доминирования, утверждаемых в обществе через гендерные роли и отношения. Теория гендера позволяет по-новому интерпретировать и произведения художественной литературы, где наглядно и глубоко воплощаются мужской и женский взгляд на мир (гендерная картина мира), на взаимоотношения полов, а также осветить проблему женского творчества, которая и по сей день считается значимой и обретает новые перспективы в связи с успехами гендерологии. Наиболее интересна в этом плане современная проза, отражающая сегодняшний гендерный статус женщины и мужчины, особенности гендерного поведения, гендерные конфликты наших дней.

Как и всякая научная дисциплина, гендерные исследования – это модерный проект, то есть проект, предусматривающий установление неких общих закономерностей и социальных типов, независимо от того, какими методами получается знание об этих закономерностях и типах. Одной из таких универсалистских посылок гендерной теории, которая послужила ее изначальной основой и которая вытекает из либерально-феминистских корней гендерной теории, является постулирование двух гендерных групп – «мужчин» и «женщин». И «Даже тогда, когда допускаются национальные или культурные различия, последние трактуются как второстепенные феномены, вариации на одну универсальную тему, согласно которой гендер всегда означает одно и то же:

асимметричное, если не антагонистическое отношение между мужчинами и женщинами, которое структурирует функции этих гендерных групп таким образом, что они вовлечены в разные типы деятельности и существуют в разных социальных пространствах» (Беспалов, 2001, с.90-93).

Итак, понятие гендерной асимметрии используется, главным образом, как *культурологический аналог* политизированного понятия неравенства, или дискриминации. Синонимичными этому понятию являются понятия гендерного неравновесия или дисбаланса. Интересным фактом является то, что некоторые исследователи обращают внимание на гендерные асимметрии в описаниях внешности художественного персонажа. О.Л.Антинескул считает, что одним из ключевых компонентов структуры языковой личности является пол. Автором проанализировано речевое поведение мужчин и женщин т.е. гендер-преференции в выборе единиц лексикона и синтаксических конструкций (Антинескул, 2000, с.105-107). Л.В.Степанова в своем исследовании, посвященном рассмотрению проявления гендерного фактора в английском языке, доказала, что в изучении влияния социальных характеристик на речь говорящего необходим учет социально детерминированных параметров, как пол, статус, возраст (Степанова, 2005, с.85-87) Однако в целом гендерные аспекты в портретных отношениях остаются малоизученными. «Каждое слово пахнет контекстом и контекстами, в которых оно жило своей социально напряженной жизнью и все эти характеристики слова в лингвопрагматической терминологии возможно соотнести с такими факторами коммуникативно-прагматической ситуации, как классовое общение, расовые, национально-культурные, профессиональные отношения коммуникантов; обстановка и место коммуникантов; индивидуально-психологическая характеристика коммуникантов, к которой относятся: образный цез, возраст, пол» (Азнаурова, 1988, с.41-43). «Национально-культурная специфика и характеристика художественного портрета выявляется в процессе сопоставительно-типологического анализа языковых единиц и определяется как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами такими как: (географические и природные условия, обычаи и традиции, образ жизни, быт и его предметы и т.д.» (Ашурова, 2004, с.205-231). Что касается лингвистических факторов, то данная проблема еще не получила достаточно полного освещения в лингвистической литературе. Обусловленность национально-культурной специфики художественного портрета экстралингвистическими факторами не вызывает сомнений.

Как уже отмечалось, гендерные исследования получили большое распространение в лингвистических исследованиях. В отношении портрета также выявлены некоторые

наблюдения, касающиеся описания внешности на основе гендерного противопоставления так, например, в работе Т.В.Тихоновой на материале испанского языка затрагиваются проблемы смысловых взаимоотношений между эстетическими, нравственными и практическими нормами гендерного противопоставления на материале семантического поля с компонентами “Красивый”. Отсюда мы делаем вывод, что красота женщины ассоциируется с сенсорно-вкусовыми и эмоциональными оценками, “являющимися индивидуальными соотношениями эстетическим и практическим нормам, свидетельствующих о выражении одобрения того, что приносит пользу и одновременно радует глаз”, применительно к мужскому полу, в испанской культуре “эстетические каноны соединены с нравственными и практическими нормами, таким образом что все вместе они предписывают мужчине быть не только внешне привлекательным, но также сильным и храбрым” (Тихонова, 2003, с.40-42). Во многих лингвостилистических исследованиях отмечается роль стилистических средств языка в создании художественного портрета. Стилистический прием сравнение используется во всех художественных портретах, например: And Jephson, his **long, terrible and dynamic body like** that of a swaying birch, turning toward [Dreiser: p.125]. Another type was a woman, tall, beautiful, clear as a **steel engraving goddess-like**, calm, clothed like the **princess of old**, with eyes of coldly blue as the reflection of **sunlight on a glacier** [O'Henry: p.325]. Описание внешности непрерывной структуры в данном примере основано исключительно на сравнениях, которые детализируют описание очень яркой, но холодной женской красоты. Образы, положенные в основу сравнения **steel, engraving, goddess-like, princess of old, sunlight on a glacier** способствуют не только описанию красоты женщины, но и ее недостижимости, холодности, спокойствия (goddess, sunlight, steel, glacier). Интересно отметить, что определения "tall", "calm", "broad", будучи употребляемыми, в сочетании со сравнениями, также приобретают эмоционально-оценочный характер. И.Р.Гальперин считает, что "это связано с тем, что такие прилагательные-определения начинают под влиянием "радиации" эмоциональных знаний, сами окрашиваются в определенные чувствительные тона" (Гальперин, 1958, с.202). Стилистическая маркированность портрета обусловлена использованием эмоционально-оценочной лексики и стилистических приемов (Гончарова, 1983, с.85). Широко распространены метафорические сравнения, например: His poll **face** slightly drawn from suffering, **cut her like a knife** [Dreiser: p. 145]. Метафора в портретных описаниях обогащает и оживляет представление о предмете изображения, создавая яркий визуальный образ, например: I wish I could forget the **roll** of the red eyes and the **fearful** lackened inflation of the lineaments [Collins: p. 57]. Метафора

используется при описании внешности главного персонажа Рочестера: His face was very much agitated and very much flushed, and there were strong workings in the features, and strange gleams in the eyes [Brontë: p.20]. Эпитет в силу своего эмоционально-оценочного характера имеет основополагающее значение в портретизации, например: ...and Mary instanced his "**pretty little mouth, and nice nose**", as her ideal of the charming. [Brain: с. 67]; He could not help liking the tall, **graceful young man** [Wilde: p. 35].

Исходя из гендерного противопоставления, в нашем исследовании, мы вслед за Акбаровой С.А., мы выделили следующие типы портретных описаний персонажа: а) портрет-воплощение “женственности”, б) портрет-воплощение “мужественности”, в) “мужеподобные” описания женщин и г) “женоподобные” описания мужчин (Акбарова, 2005, с.47-60). Первый тип портретных описаний содержит характеристики “женственности”. Приведем пример из романа Ш.Бронте “Jane Eyre”, иллюстрирующему красоту женщины в компактном портретном отношении персонажа: There appeared, within three feet of him, a form **chad in pure white-a youthful, graceful form**: full, yet fine in contour; and threw back a long veil, bloomed under his glance a face of **perfect beauty**. Perfect beauty is a strong expression; but I do not retrace or qualify it as **sweet** features as ever the temperate clime of Albion moulded; as **pure huse of rose and lily** as ever her **humid gales** and **vapoury** skies generated and serened, justified, in this instance, the term. No **charm** was wanting, no defect was perceptible, the young girl had regular and **delicate** lineaments; eyes shaped and coloured as we see them in **lovely** pictures, large and dark, and full; the long and shadowy eyelash which encircles a fine eye with so **soft** a fascination; **penciled** brow which gives such charmness; the **white smooth** forehead, which adds such repose to the livelier beauties of tint and ray; the cheek, oval, **fresh** and smooth; the lips, fresh too, ruddy, healthy, sweetly formed; the **even** and **gleaming** teeth without flaw; the small dimpled chin; the armament of rich plenteous tressesable advantages, in short, which, combined, realize the ideal of beauty, were fully hers [Brontë: p. 163].

Портрет “женственности” в данном примере представляет собой развитое описание внешности. Который включает описание фигуры (ее контура и черт), лицо и одежда героини. Для описания красоты девушки Бронте широко использует эмоционально-оценочные слова и словосочетания: graceful form, perfect beauty, sweet features, charm, а также образы включающие сравнения с цветами, природой и красивой картиной: pure huse of rose and lily, humid gales and vapoury skies, eyes as in lovely pictures. Носителями и выразителями “женственности” являются также синонимичные пары; delicate-soft, even-smooth. Особенно следует обратить внимание на использование

следующей семантической группы слов: pure white, youthful, clearness, fresh, эксплицирующих красоту молодости (невинности). Таким образом, детализированное портретное описание молодой девушки соотносится с общепринятыми гендерным стереотипам внешности женщины. Красота, женственность в портретном описании персонажа отождествляется с красотой природы.

Ко второму типу относится портретное описания “мужественности”, характеризующие героев в художественном тексте. Рассмотрим данный тип на примере романа Ш.Бронте “Jane Eyre”: My masters colourless, olive face, **square, massive brow, broad and jetty eyebrows, deep eyes, string features, firm, grim mouth,**- all energy, decision, will, - were not beautiful, according to the rule; but they were more beautiful to me: they were full of interest, an influence that quite mastered me,- that took my feelings from my own power and fettered them in his [Brontë: p.165]. В вышеприведенном примере портретного описания мистера Рочестера “мужественность” эксплицируется следующими характеристиками: square, massive brow, broad and jetty eyebrows, deep eyes, string features, firm, grim mouth. Все использованные в данном тексте определения при описании внешности персонажа являются маркированными, с точки зрения их гендерной характеристики, и входят, в большинстве своем, в семантическое поле **male**. Таким образом, данные лексемы: square, massive, broad, jetty, string, firm, grim-могут рассматриваться в качестве языковых маркеров “мужественности” и способствуют созданию мужского образа полного энергии, отважного, волевого человека. Из этого следует, что мужественность и женственность в портретном описании характеризуется социально принятыми стереотипами: мужчина должен выглядеть сильным, волевым, а женщина - мягкой, милой и прекрасной.

Третий тип портрета характеризуется тем, что в нем исследование описания внешности уподобляется “мужеподобный” женский портрет. Рассмотрим данный пример:

Mrs. Anderson might be **forty and fifty**: her **shape** was still **fine**; her **hair** (by candle light at least) still **black**; her **teeth**, too, were still **apparently perfect**. Most people would have termed her a splendid woman of her age: and so she was no doubt, physically speaking: but then there was an expression of almost is supportable **haughtiness** in her bearing and countenance. She had **Roman features** and a **double chick, disappearing into a throat like a pillar**: these features appeared to me not only inflated and darkened, but even furrowed with pride; and the **chin** was **sustained** by the same principle, in a position of almost preternatural erectness. She had, likewise, a **fierce** and a **hard eye**, it reminded me of Mrs. Grant's; she mouthed her words in speaking; her **voice** was **deep**, its inflections very pompous, very dogmatical, - very intolerable, in short. A crimson velvet robe of some gold-wrought Indian fabric, invested her [Cusack: p.39].

Представленное портретное описание, взятом из романа Д.Кьюзака, непрерывной структуры обладает большей информативностью, которая обеспечивается следующими характеристиками: возраст (*forty and fifty*), внешний облик (*shape was still fine, Roman features*), описание лица (*double chick, teeth, hard eye*). Данный пример интересен тем, что в нем имплицитно создается контраст в описании молодой женщины с помощью эмоционально-оценочных характеристик, создающих мужеподобный портрет ("*Roman features*", "*chin was sustained*", "*fierce and a hard eye*", "*voice deep*"). Следует отметить, что гендерные аспекты описания портрета представляют большой интерес как в плане особенностей восприятия художественного портрета, так и в плане общей теории гендерной лингвистики.

Следующий тип портретного описания составлен на основе “женоподобного” портретного описания мужчины. Рассмотрим пример из романа Р. Макалая “*The World My Wilderness*”: *His eyes wondered, and had no meaning in its wondering: this gave him an odd look, seen as I never repelled to have seen. For a handsome and not an unamiable-looking man, he reflects me exceedingly; there was no power in that smooth-skinned face of a full oval shape: no firmness in that aquiline nose, and small, cherry mouth; there was no thought on the low, even forehead, no command in that black, brown eyes* [Macaulay:p.43]. Представленное описание мужского портрета характеризуется признаками, присущими описаниям женских портретов. В описании лица (*smooth, cherry, small, low, even forehead*) используются определения, характерные для женского портрета: *smooth, cherry, even*. В приведенных выше примерах создание женского образа (портрета) мы уже отмечали эти или подобные языковые маркеры: *satin-smooth-smooth-skinned; even fare-beauty; rosy lips-cherry mouth; little-small*. Далее автор использует еще более очевидные, эксплицитно выраженные признаки, отражающие “мужественность” этого портрета: *no power, no command, no firmness*. Использование маркеров “женственности” в мужском портрете способствует созданию “женоподобного” портрета мужчины. Таким образом, гендерный фактор в портретных описаниях приобретает особую значимость. С точки зрения гендерных характеристик выявляются четыре типа портретных описаний художественного персонажа: портрет-воплощение “женственности”, портрет-воплощение “мужественности”, “мужеподобные” описания женщин и “женоподобные” описания мужчин. Гендерный аспект предполагает изучение художественного портрета с точки зрения дифференцирующих признаков, присущих мужскому или женскому портрету. Такой подход позволяет рассматривать понятия “женственности” и “мужественности” в портретных описаниях, что обусловлено, с одной стороны, принятыми в обществе

стереотипами характеристики женщин и мужчин, а с другой языковыми маркерами “женственности” и “мужественности” (Бобылев, 1984, с.120).

Таким образом, языковыми маркерами “женственности” являются языковые единицы, соотносящиеся с понятиями Красоты, Мягкости, Нежности и Слабости, а языковыми маркерами “мужественности” являются языковые единицы соотносящиеся с понятиями Сила и Воля. Нарушение стереотипных представлений о мужских и женских портретов приводит к образованию женоподобных и мужеподобных портретных описаний. Таким образом, гендерный фактор в портретных описаниях приобретает особую значимость и с точки зрения гендерных характеристик.

Выводы по второй главе

К гендерно маркированным единицам английского языка, в ходе исследования, можно отнести фразеологические единицы, поговорки, изречения мужчин и женщин, стилистические приемы, например, эвфемизмы, а также в частности и гендерная асимметричность в построении портретного описания, в котором также употребляются различные гендерно маркированные стилистические приемы.

Значимым результатом исследования является установление определенной связи между структурными параметрами фразеологизма и гендерной отнесенностью его семантики. Гендерная референция идиомы может быть установлена на основе прямого указания на лицо мужского или женского пола, представленного в ее дефиниции, либо может являться результатом выводного знания, полученного в ходе анализа глубинной структурной семантики фразеологизма. Гендерная маркированность фразеологизмов представляет собой различные способы представления во фразеологических единицах гендерных маркеров, т.е. обозначений, отличительным признаком которых является указание на представителей мужского или / и женского пола. Большую роль также играют и оценочность (нейтральность, положительность и позитивность) ФЕ по отношению к

референту-мужчине или референту-женщине, которые варьируются в различных видах конструирования фразеологизмов.

Стоит отметить, что в паремиологическом фонде (пословицах, поговорках) любого языка хранятся специфические черты обыденного сознания этноса. Паремиологически отражённое знание, представленное в отдельных языковых системах, опирается на повседневный опыт людей как членов конкретных этнокультурных общностей, на традиции, обычаи и верования народов. Таким образом, паремии могут быть гендерно маркированы и отличаться спецификой употребления по отношению к обоим полам, а иногда и к мужчине или женщине. Паремии наиболее полно отражают особенности восприятия и познания основных гендерных категорий фемининности и маскулинности. Референтность по отношению к обоим полам дает возможность познать и изучить все особенности проявления гендерного маркера. Изучение паремий как класс коммуникативных гендерно маркированных единиц дает возможность представить гендерный аспект их употребления. Гендерная референция паремий является наличие отнесенности лингвистической единицы (пословицы и поговорки) к лицам мужского и женского пола или к обоим полам, т.е. имеет интергендерную характеристику.

Гендерные отношения и оценки формируются под влиянием гендерной идентичности говорящего и фиксируются в гендерно-ориентированных высказываниях. Гендерно-ориентированные высказывания тяготеют к выражению оценочности, что особенно отчетливо проявляется при характеристике представителей противоположной гендерной идентичности. Образ женщины в большинстве гендерно-ориентированных высказываний несет в себе положительную оценку и ассоциируется с независимостью и самостоятельностью, что свидетельствует об изменении гендерных ролей женщин в англоязычном социуме. Гендерные стереотипы маскулинности, выявленные в текстах англоязычной художественной литературы, не отражают динамику изменения представлений о мужчинах. Совпадение гендерно-специфичных стереотипов, актуализованных в гендерно-ориентированных высказываниях, свидетельствует о существовании данного стереотипа в лингвокультуре в целом, то есть о наличии общекультурного стереотипа.

Стилистическое разнообразие выявленных нами гендерно-вежливых эвфемизмов делает возможным их выбор в соответствии с социальным статусом коммуникантов и тональностью ситуации. Анализ языковых материалов показал, что число гендерно-вежливых эвфемизмов, употребляющихся по отношению к женщине преобладает над

эвфемизмами относящимися к мужчине. В связи с этим, мы полагаем, что «женский» пласт эвфемистического словаря является проявлением вежливости в ее *позитивном* значении. В целом, необходимо отметить, что традиционные гендерно-вежливые эвфемизмы затрагивают область *личного* и *межличностных отношений*, раскрывают мир женщины, специфические переживания и психологические комплексы, выявляют ее традиционные роли матери и жены и объективируют некоторые отрицательные психологические характеристики.

Гендерный аспект предполагает изучение художественного портрета, с точки зрения дифференционных признаков, присущих мужскому или женскому портрету. Такой подход позволяет рассматривать понятие "мужественности" и "женственности" в портретных описаниях, что обусловлено, с одной стороны, принятыми в обществе стереотипами характеристики мужчин и женщин, а с другой языковыми маркерами "женственности" и "мужественности". Нарушение стереотипных представлений о мужском и женском портретах приводит к образованию женоподобных и мужеподобных портретных описаний. Таким образом, выделяются четыре типа художественных портретов: портрет-воплощение "женственности", портрет-воплощение "мужественности", "мужеподобные" описания женщин и "женоподобные" описания мужчин.

Гендерная асимметрия, проявляющаяся в портретных описаниях указывает на использование и употребление стилистических приемов при описании художественных портретов и их вариативных особенностях с точки зрения гендерного аспекта. Основными компонентами в различии такого рода портретных описаний являются такие стилистические приемы как сравнение, метафора, метонимия и др., которые передают гендерную оценочность в отношении создаваемых женских и мужских, "женоподобных" и "мужеподобных" образов в художественных текстах.

Заключение

В последнее десятилетие в языкознании все более отчетливо вырисовывается новое направление исследований, основанных на социально и культурно маркированной специфике пола (*gender*). Отмечающееся в мире разнообразие социальных характеристик женщин и мужчин и принципиальное тождество биологических характеристик людей позволяют сделать вывод о том, что биологический пол не может быть объяснением различий их социальных ролей, существующих в разных обществах. Таким образом, возникло понятие *гендер*, означающее совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического

пола. Сущностью конструирования гендера является полярность и противопоставление. Гендерная система как таковая отражает асимметричные культурные оценки и ожидания, адресуемые людям в зависимости от их пола. Гендерные исследования на материале английского языка выявили различия как на уровне системы языка, так и на уровне его употребления. Относительно гендерных различий на уровне языка как системы можно утверждать, что здесь выявляются различные гендерно маркированные единицы. Особую роль в “утверждении, отражении и сохранении асимметричных отношений между мужчинами и женщинами” играет естественный язык, в частности, система обращений, которой принято пользоваться в обществе. Гендерные стереотипы являются частным случаем стереотипа и обнаруживают все его свойства. Гендерные стереотипы представляют собой культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке. Гендерная стереотипизация фиксируется в языке, тесно связана с выражением оценки и влияет на формирование ожиданий от представителей того или другого пола определенного типа речевого поведения. Выделение гендерных маркеров, которые выявляются при изучении лингвистических и экстралингвистических факторов является основой для рассмотрения речевого поведения мужчин и женщин. Использование невербальных компонентов коммуникации со стороны и мужчин, и женщин дает возможность определения гендерных асимметрий на этом уровне. Лингвистический фактор рассматривает гендерные асимметрии на уровне фонетико-фонологических, лексико-грамматических аспектах и выявляет гендерные маркеры в лексемах, т.е. употребление определенной формы, обозначающих лиц мужского или женского пола, а также экспрессивность, эмоциональность в общении или процессе коммуникации со стороны женщины и сдержанность, весомость, категоричность – со стороны мужчины. Женская речь обнаруживает большую концентрацию эмоционально оценочной лексики, а в мужской оценочная лексика чаще стилистически нейтральна. Гендерные исследования на уровне употребления языка выявило гендерно и стилистически маркированные единицы во фразеологических оборотах, поговорках, высказываниях мужчин и женщин, стилистических приемах как эвфемия, а также гендерные асимметрии при описании художественного портрета использование стилистических приемов, таких как сравнение, метафора, метонимия, эпитет при описании персонажа мужского и женского пола. Как показало исследование, фразеологический фонд английского языка может иметь разноуровневую гендерную маркированность, т.е. гендерно маркированными могут быть как план выражения, так и план содержания ФЕ. Значимым результатом исследования

является установление определенной связи между структурными параметрами фразеологизма и гендерной отнесенностью его семантики. Нами были фактически рассмотрены гендерные аспекты во фразеологическом фонде современного английского языка. Также немаловажным является и гендерная оценочность по отношению к мужчине или женщине в зависимости от рассмотрения тех или иных явлений, характеристик, не присущих к категориям маскулинности/фемининности. Паремии носят ярко выраженный гендерный характер, так как пословицы и поговорки наиболее полно отражают особенности восприятия и познания основных гендерных категорий, выявляют как из традиционные, так и новые свойства, связи и отношения, раскрывают новые тенденции к переосмыслению функций, роли мужчин и женщин в англоязычном языковом социуме. Гендерно-ориентированные высказывания тяготеют к выражению оценочности, что особенно отчетливо проявляется при характеристике представителей противоположной гендерной идентичности. Информация, содержащаяся в гендерно-ориентированных высказываниях, может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно. При этом существует определенная дистрибуция выражения положительной и отрицательной оценочности в зависимости от эксплицитного или имплицитного выражения информации. В рамках английской лингвокультуры гендерные стереотипы маскулинности, выявленные в текстах англоязычной художественной литературы, не отражают динамику изменения представлений о мужчинах. Образ женщины в большинстве гендерно-ориентированных высказываний несет в себе положительную оценку и ассоциируется с независимостью и самостоятельностью, что свидетельствует об изменении гендерных ролей женщин в англоязычном социуме. Через призму политкорректных гендерно-вежливых эвфемизмов представляется возможным прояснить вопрос о роли женщины, которую англоязычное сообщество отводит ей в настоящее время. Традиционные гендерно-вежливые эвфемизмы отражают гендерные стереотипы, существовавшие ранее, причем некоторые из них остаются актуальными и в наше время. В целом гендерно-вежливый сектор эвфемистического тезауруса аккумулирует систему взглядов носителей английского языка на современный женский образ и отражает перемены в социальной роли женщины, позволяет сопоставить традиционное и современное понимание роли женщины в англоязычном сообществе. Для традиционных «женских» эвфемизмов ведущими механизмами эвфемизации являются метафоризация, перифраза и замена словом общего значения. Особое внимание уделяется гендерным аспектам, предположительным изучением художественного портрета с точки зрения дифференциальных признаков, присущих мужскому или женскому портрету. Такой подход позволяет рассматривать

понятия "женственности" и "мужественности" в портретных описаниях, что обусловлено с одной стороны, принятыми в обществе стереотипами характеристики жизнь и мужчин, и женщин, а с другой стороны языковыми маркерами "женственности" и "мужественности". Изучение портрета с точки зрения гендерных характеристик позволяет выделить следующие типы портретных описаний персонажа: а) портрет-воплощение "женственности", б) портрет-воплощение "мужественности", в) "мужеподобные" описания женщин и г) "женеподобные" описания мужчин. Выявление определенных корреляций между гендерно маркированными единицами и их стилистической значимостью дает нам обозначить формирование гендерного направления в стилистике. Проведенное комплексное исследование гендера позволяет выявить возможные перспективы дальнейшего исследования: - анализ гендерных маркеров на разных языковых уровнях; - рассмотрение гендерных асимметрий в языковых единицах, обозначающих отнесенность языковых параметров к категориям "маскулинности" и "фемининности"; - оценивание в гендерном исследовании других структурных маркеров фразеологизмов, в частности местоимений, типично мужских или женских действий, а также проследить закономерности функционирования гендерно маркированных ФЕ в тексте; - сопоставительный анализ гендерно маркированных паремий и изречений, относящихся к различным языкам и уровням языка; - выявление гендерно-вежливых обращений (эвфемизмов) по отношению к мужскому полу и их прагматический анализ; - сравнительное изучение портретных описаний в разных языках и культурах.

Список использованной литературы, источников и материалов:

1. Каримов И.А. Наша главная задача – дальнейшее развитие страны и повышение благополучия страны // «Народное слово». – Ташкент, 2010.- №21 (4906), 30 января. – С. 2-3;
2. Азнаурова Э.С. Прагматика художественного текста. – Ташкент: Фан, 1988. – 119 с.;
3. Акбарова С.А. Лингвостилистические средства и когнитивно-прагматическая значимость художественного портрета: Дисс. ... канд. филол. наук. – Т., 2005. – 145 с.;
4. Антинескул О.Л. Гендер как параметр текстообразования: Дисс. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2000. – 220 с.;
5. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. — Москва. – 1990. – 157 с.;

6. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 156 с.;
7. Ашурова Д.У. Стилистика и гендерная лингвистика // Филология масалалари. – Ташкент, 2007. - № 3. – С. 75 - 77;
8. Ашурова Д.У. Стилистика и лингвокультурология // Тил ва миллий маданият. Самарқанд давлат чет тиллар институтининг 10 йиллик юбилейига бағишлаб ўтказилган халқаро илмий-назарий конференцияси, 2004 йил, 26-27 ноябрь. – Самарқанд, 2004. – С. 204;
9. Багичева Н.В. Лексическая и прагматическая семантика терминов родства // Функциональная семантика слова. – Екатеринбург, 1993. – С. 154;
10. Бахлитьева И.А. Тематическая группа слов, обозначающих понятие «женщина» в английском языке. // Автореферат. – Воронеж, 2003. – 25 с.;
11. Белик Е.В. Лингвокультурологические особенности лексики и фразеологии современного английского языка (на материале лингвокультурологического поля «мужчина и женщина» // Автореферат. – Москва. – 2003; 75 с.;
12. Беспалов А.Н. Структура портретных описаний в художественном тексте в среднеанглийского периода: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2001. –160 с.;
13. Бобылев Л.К. Очерки по языку английского романа XX века. Лингвостилистический анализ. – Владивосток, 1984. – 161 с.;
14. Браун П. Вежливость как форма общения и коммуникации. – М.: Прогресс Пресс, 2003. – 125 с.;
15. Бурыкин А.А. Термины родства как объект лингвистического анализа (круг проблем и аспекты исследования) // Алгебра родства. – Вып. 2. – СПб., 1998. – С. 124;
16. Введение в гендерные исследования: Учебное пособие. – М.: МГУ, 2000. – с. 223;
17. Володин А.П. Эвфемизмы как политкорректные единицы. – М.: МГУ, 2005. – 145 с.;
18. Гакова М.Н. Оценочная характеристика высказываний. – М.: Знание, 2005. – 325 с.;
19. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Прогресс, 1958. – 458 с.;
20. Гендер как интрига познания / Сб. науч. ст. – М.: МГЛУ, 2000. – С. 191;
21. Гендер как интрига познания // Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. – М.: МГЛУ, 2000. – С. 195;
22. Гендер: язык, культура, коммуникация / Доклады Первой международной конференции. – М.: МГЛУ, 2001. – С. 368;

23. Гендер: язык, культура, коммуникация / Доклады Второй международной конференции. – М.: МГЛУ, 2002. – С. 335;
24. Гендерный фактор в языке и коммуникации: Сб. науч. тр. – Вып. 446. - М.: МГЛУ, 1999. – С. 136;
25. Гончарова Е.А. Лингвостилистические средства создания образа персонажа в художественном тексте // Лингвостилистические исследования художественного текста / Под редакцией Н.П. Шишкина.- Л., 1983. – С. 220;
26. Городникова М. Д. Гендерный аспект обращений как фактор речевого регулирования // Гендер как интрига познания. Сборник статей. – М., 2000. – С. 124;
27. Городникова М.Д. Гендерный фактор и распределение социальных ролей в современном обществе. В кн.: Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999. – 165 с.;
28. Горошко Е., Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике сегодня // Гендерные исследования. – 1999. – № 1. – С. 158;
29. Гриценко Е.С. Гендер в семантике слова // Гендер: язык, культура, коммуникация. – М.: МГЛУ. – 2001. – С. 185;
30. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.;
31. Добровольский Д.О., Малыгин В.Т., Кокаина Л.Б. Сопоставительная фразеология (на материале германских языков): Курс лекций / Моск.пед. ин-т. – Владимир, 1990. – 180 с.;
32. Добровольский Д.О., Кирилина А.В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии ее научности // Гендер как интрига познания. – М.: Рудомино, 2000. – С. 105;
33. Добронравин Н.А. Термины родства, имена родства и компаративистика // Алгебра родства. – Вып. 2 – СПб., 1998. – С. 115;
34. Ермолович Д.И. Функционально-семантические особенности индивидуализирующих знаков (на материале именовании лица английского языка): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 1981. – 31 с.;
35. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.;
36. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Иностранная литература, 1958. – 404 с.;
37. Живоглядов А.А. Реализация поэтической функции английских имен собственных личных. – М.: Прометей, 1998. – 140 с.;

38. Заботкина В.И. Прагматический принцип вежливости. – СПб.: Юнити Пресс, 2001. – 147 с.;
39. Зыкова И.В. Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка: Дис. ...канд. филол. наук. – М., 2002. – 212 с.;
40. Зыкова И.В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 232 с.;
41. Каменская О.Л. Гендергетика – наука будущего. // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. Пилотный выпуск. – М., 2002. – С.135;
42. Карташкова Ф. И., Ганина В. В., Гудкова О. Н. Невербальные компоненты коммуникации, отражающие эмоции мужчин и женщин // Гендер: язык, культура, коммуникация. – М.: МГЛУ. – 2002. – С. 210;
43. Кацева А.М. Эвфемистические высказывания с гендерным компонентом. – М.: МГЛУ. – 2002. – 128 с.;
44. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999. – 189 с.;
45. Кирилина А.В. Категория gender в языкознании. – 1997.– № 2. – 85 с.;
46. Кирилина А.В. Особенности и тенденции развития гендерных исследований в российской лингвистике // Гендер: язык, культура, коммуникация. – М.: МГЛУ, 2001. – С. 125;
47. Кирилина А. В. Развитие гендерных исследований в лингвистике// Филологические науки. – 2003. – №5. – С. 128;
48. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учебник для студентов инст. и фак. ин. яз. – 2-е изд.: М., 1996. – 381 с.;
49. Лакофф Р. Андроцентричность как основная форма выявления пола в языковом социуме. – М.: Просвещение, 1995. – 155 с.;
50. Ласточкина И., Нагорная Н. Образ женщины в картине мира носителя английского языка. – Новгород. – 2003. – 147 с.;
51. Манушина Г.П. Использование и гендерная специфика имен собственных. – М., 1973. – 154 с.;
52. Маутнер Н. Язык и пол как сосуществующие аспекты в лингвистике. – М.: Просвещение, 1992. – 157 с.;

53. Мухамедьянова Г.Н. Эвфемизмы как единицы, отражающие понятия вежливости и корректности. – М.: УРСС, 2005. – 157 с.;
54. Никольская В.А. Английская паремиология с точки зрения гендерной теории // Гендер: язык, культура, коммуникация. – М.: МГЛУ. – 2002. – С. 125;
55. Потапов В. В. Попытки пересмотра гендерного признака в английском языке // Гендер как интрига познания. Сборник статей. – М., 2000. – С. 120;
56. Сергеева М.В. Гендерные асимметрии и стереотипы в иллюстративных контекстах словарей // Гендер: язык, культура, коммуникация. – М.: МГЛУ. – 2001. – С. 165;
57. Силинский А.В. Речевая вариативность слова. – М.: Просвещение, 1995. – 195 с.;
58. Спендер Д. Язык, созданный мужчиной. – М.: Знание, 1986. – 205 с.;
59. Степанова Л.В. Гендерные аспекты в описаниях художественных портретов. – М.: Знание, 2005. – 205 с.;
60. Таннен Д. Гендерные аспекты в высказываниях мужчин и женщин. – М.: Издательский Дом Глобус, 2002. – 155 с.;
61. Телия В.Н. Фразеология русского языка и ее гендерные особенности. – М.: Знание, 1998. – 142 с.;
62. Тер-Минасова С.Г. Политкорректность как языковая тенденция. – М.: Просвещение, 2001. – 158 с.;
63. Тихонова Т.В. Портретные описания в свете гендерных исследований. – М.: Просвещение, 2003. – 255 с.;
64. Халеева И.И. Гендер как интрига познания // Гендер как интрига познания. Сборник статей. – М., 2000. – С.142;
65. Чахоян Л.П. Высказывание как основная единица общения. – М.: Знание, 1998. – 178 с.;

Список лексикографических источников:

66. Большой англо-русский фразеологический словарь: около 20 000 фразеологических единиц / А.В. Кунин. 5-е изд., исправл. – М.: Живой язык, 1998. – 944 с.;
67. Брусникина Т.Л., "Краткий русско-английский фразеологический словарь", М.: Просвещение, 1999. – 325 с.;
68. Буковская М.В., Вяльцева С.И. "Словарь употребительных английских пословиц", М.: Знание, 1993. – 155 с.;
69. Виноградов В.А. Род // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – 550 с.;

70. Маккей А. "Словарь американских идиом", М.: Знание, 1995. – 178 с.;
71. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / Сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров / Под ред. А.И. Молоткова. 3-е стереотип. Изд. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.;
72. American Idioms Dictionary. – special edition. USA, Illinois: National Textbook Company, 1991. – 463 p. (AID);
73. Brewer's Dictionary of 20th – Century Phrase and Fable. – New Edition. – London: Market House Books Limited, 1993. – 662 p. (BDCPF);
74. Cambridge International Dictionary of Idioms. – UK, Cambridge, 1999. – 587 p. (CIDI);
75. A Concise Collection of American English Idioms for Everyday Use. – Washington, D.S., 1996. – 394 p. (CCAIEI);
76. The Concise Oxford Dictionary of Current English. – Ninth Edition. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – 1672 p. (COD);
77. Dictionary of Proverbs. – L. Clarendon Book, 1995. – 225 p. (DP);
78. Early American Proverbs and Proverbial Phrases. – L.: The Bellhoppe Press of Harvard University Press, 1997. – 553 p. (EAP&PP);
79. Hornby A.S. "The Advanced Learner's Dictionary of Current English". – London, New Publishers Press, 1958. – 354 p. (ALDCE);
80. Longman Idioms Dictionary. – England: Addison Wesley Longman Limited, 2000. – 398 p. (LID);
81. Neaman J., Silver C. The Wordsworth Book of Euphemisms. – London, Silver Star Publishing House, 1995. – 585 p.;
82. Oxford Dictionary of Euphemisms. – England: Oxford University Press, 2003. – 412 p. (ODE);
83. The New Oxford Dictionary of English. – N.Y., Oxford University Press, 1998. – 2152 p. (NODE);
84. The Penguin Dictionary of English Idioms. – 2nd Edition. – England: Daphne M. Gulland, 2001. – 378 p. (PDEI);
85. Roget P.M. Thesaurus of English Words and Phrases. – London: Oxford University Press, 1981. – 712 p. (TEWD);

Список использованных художественных произведений:

86. Brain J. Room at the Top. – London: New House Publishers, 2000. – 144 p.;
87. Brontë Ch. Jane Eyre. – London: David Campbell Publishers, 1999. – 460 p.;
88. Collins J. Lucky. – New York: Blue Line Publishers House, 2001. – 306 p.;
89. Cusack D. Say No to Death. – Boston: Collins Publishers, 1998. – 140 p.;
90. Dickens M. Thursday afternoon. – London: Knowledge Publishers, 2001. – 185 p.;
91. Dreiser Th. An American Tragedy. Vol. I – M.: Progress Publishers House, 1951. – 606 p.;
92. Dreiser Th. Jennie Gerhard. – M.: Progress Publishers House, 1972. – 345 p.;
93. Dreiser Th. The Financier – M.: Progress Publishers House, 1984. – 525 p.;
94. Fielding H. Amelia. – London: New Line Publishers, 1998. – 395 p.;
95. Galsworthy J. Maid in Waiting. – M.: Progress Publishers, 1988. – 152 p.;
96. Gardner E.S. Fools Die on Friday. – Boston: Harper Collins Publishers, 2000. – 145 p.;
97. Hill S. Gentleman and Ladies. – Yorkshire: Yorkshire Book Publishing House, 1995. – 215 p.;
98. Irving W. History of New-York. – New-York: Word Press, 2001. – 285 p.;
99. Macaulay R. The World My Wilderness, Kenk. – New-York: The Independence Press, 2004. – 128 p.;
100. Manchester W. The Death of a President. – York: The Foundation Publishers, 1998. – 132 p.;
101. Marlowe Ch. The tragedical history of Dr. Faustus London: Knowledge Publishers, 2003. – 135 p.;
102. Marryat Fr. Mr. Midshipman Easy. – London: Science Press, 2001. – 115 p.;
103. Maugham W.S. Complete Short Stories, The Unconquered. – M.: Progress Publishers House, 1974. – 383 p.;
104. Maugham W.S. Of Human Bondage. – M.: Progress Publishers House, 1983. – 285 p.;
105. Maugham W.S. Theatre. – M.: Progress Publishers House, 1983. – 325 p.;
106. O'Connor E. The Last Hurrah. – Boston: Development Press, 1999. – 125 p.;
107. O'Henry 100 Selected Stories. – E.: Wordsworth Classics, 1992. – 735 p.;
108. Priestley J.B. Angel Pavement. – E.: Wordsworth Classics, 2002. – 236 p.;
109. Swift J. Swift's Polite Conversation, 'Dialogue I'. – London: Oxford University Press, 2003. – 158 p.;
110. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. – E.: Wordsworth Classics, 1992. – 177 p.;
111. Wodehouse P.G. The World of Jeeves. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 155 p..

Список использованных Интернет-ресурсов:

112. <http://www.gramota.ru/stylistics/euphemism/>
113. [http://www.philology.ru/gender linguistics/](http://www.philology.ru/gender_linguistics/)
114. [http://www.quotations.com/man and woman/](http://www.quotations.com/man_and_woman/)
115. [http://www.ucc.com/publications/gender asymmetry/](http://www.ucc.com/publications/gender_asymmetry/)

